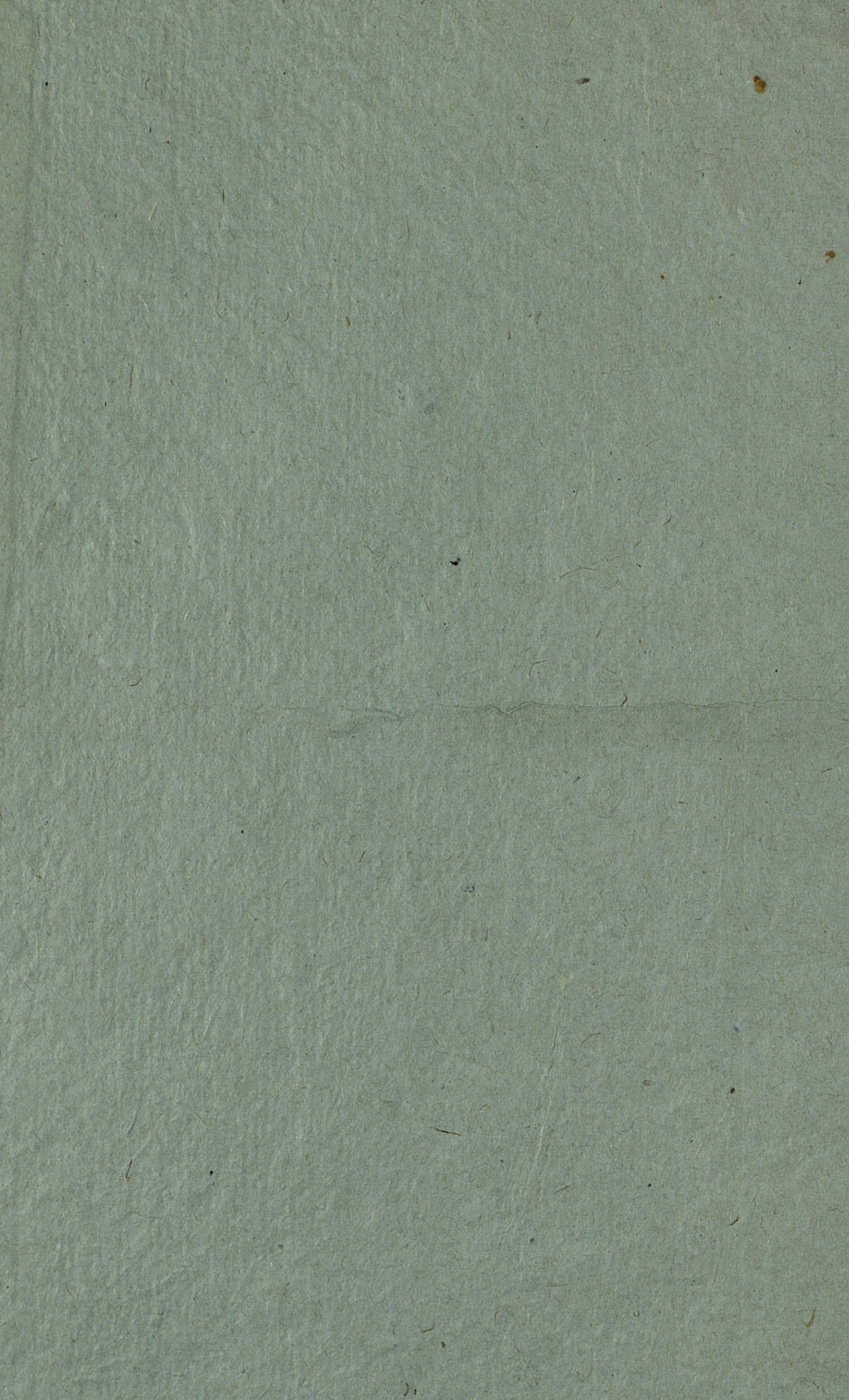
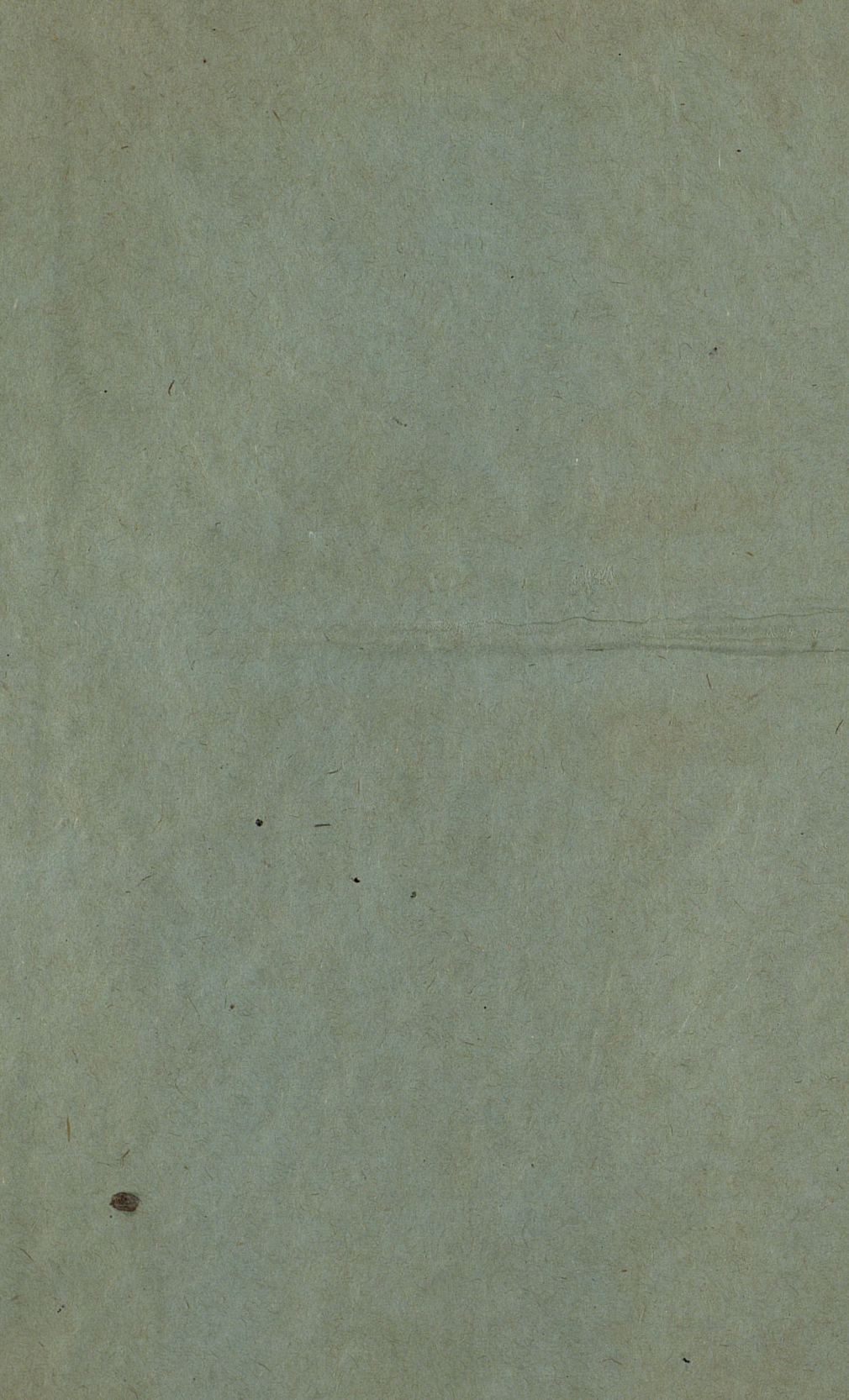

Корш.

Опыт ритмич.
объясн. древне-
инд. эпико-дидакт.
размера
Слокас.

А $\frac{6}{29}$

6

29

90 $\frac{145}{1472}$

13-5

ОПЫТЪ РИТМИЧЕСКАГО ОБЪЯСНЕНІЯ

ДРЕВНЕ-ИНДЬСКАГО

ЭПИКО-ДИДАКТИЧЕСКАГО РАЗМѢРА СЛОКАС.

— ◆ изъ II тома ◆ —

Трудовъ Восточной Коммисіи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества.

МОСКВА.

Типографія и Словолитня О. О. Гервекъ, Чернышевскій пер. 5.

1896.

Печатано по опредѣленію Редакціоннаго Комитета Императорскаго Московскаго
Археологическаго Общества на основаніи § 56 его Устава.

Предсѣдатель *Графія Уварова*

Москва, 29 Января 1896 года.

2007110910

ОПЫТЪ РИТМИЧЕСКАГО ОБЪЯСНЕНІЯ ДРЕВНЕ-ИНДѢЙСКАГО ЭПИКО-ДИДАКТИЧЕСКАГО РАЗМѢРА ŚLOKAS.

Изслѣдованіе О. Е. Корша.

Подъ именемъ śloka-s или yaktra-m¹⁾ разумѣтся, какъ извѣстно, строфа, состоящая изъ двухъ стиховъ, изъ которыхъ каждый въ свою очередь составленъ изъ двухъ 8-сложныхъ полустихій, раздѣленныхъ цезурой и отличающихся одно отъ другого тѣмъ, что второе всегда оканчивается на количественный (иначе: квантитативный) двойной ямбъ (— — — — = ♪♪), а первое — на различныя сочетанія долгихъ и краткихъ слоговъ, только не на такое, въ которомъ послѣднее мѣсто занималъ бы ямбъ (— — = ♪♪). Составъ остальныхъ частей шлока такъ непостояненъ, что при поверхностномъ взглядѣ на нихъ нельзя уловить никакого порядка въ распредѣленіи долготъ и краткостей. Однако извѣстный порядокъ въ этомъ отношеніи, несомнѣнно, есть, и его отмѣтили уже индѣйскіе ученые, но, къ сожалѣнію, все, что они сообщили намъ о шлокѣ, ограничивается указаніями метрическаго свойства, т. е. что такому-то мѣсту стиха свой-

1) Для того, чтобы и тѣ изъ нашихъ читателей, которые не знаютъ по-санскритски, могли не только видѣть, но и произносить приводимые ниже примѣры, что при изслѣдованіи ритма очень важно, объяснимъ свою передачу звуковъ санскритскаго языка:

g—p слоговой, какъ въ сербскомъ, словенскомъ (или хорутанскомъ), чешскомъ и словацкомъ или какъ у насъ въ словахъ *бобръ, Петръ, министръ* передъ согласной или передъ паузой.

ñ—n гортанный (задне-небный), какъ въ нѣмецкомъ *Wange*, eng.

ñ—n мягкій = нь.

m—носовой призывкъ послѣ гласной, подобный французскому *n* въ словахъ *an, pain*.

c—русское ч.

j—итальянское *g* передъ *e* или *i* (въ родѣ *che*).

t, d, ð, s—m, ð, n, u, произносимыя съ загибомъ кончика языка къ серединѣ нѣба, какъ англійскія *t, d, n, sh*.

y—нѣм. *j* или согласная (первая) часть нашихъ *e, я, ю, ъ*, стоящихъ въ началѣ слова.

ç—звукъ свистяще-шипящій, подобный мягкому *s* (*ś*) въ нѣкоторыхъ польскихъ говорахъ и у Лужичанъ.

h—г малорусское или бѣлорусское.

h—нѣм. *h*.

ā—знакъ долготы: â = ā (т. е. приблизительно два *a*, произнесенныя безъ перерыва), î = ī
û = ū (т. е. почти *ii, iii*).

⊥ придыханіе при согласной, напр. 'b = bh, но безо всякаго перерыва.

ственные такія-то стопы, а въ такомъ-то мѣстѣ тѣ-же или иныя стопы воспрещаются (а подъ стопою они разумѣли группу въ 4 слога). Такихъ отрицательныхъ указаній больше, да они и цѣннѣе съ точки зрѣнія ритмики. Но сами индѣйскіе теоретики о ритмѣ стиховъ и не думали, хотя въ тотъ періодъ ихъ родной литературы, къ которому они сами относятся, существовали два особыхъ рода стихосложенія, предполагающихъ опредѣленное число ритмическихъ временъ²⁾,—такъ называемыя *mātrā-‘candas* и *gaṇa-‘candas*, въ которыхъ долгота равнялась двумъ краткостямъ, т. е. двумъ временамъ. Такимъ образомъ ритмическое значеніе долгихъ и краткихъ слоговъ шлока, или, говоря иначе, дѣйствительная длительность ихъ въ томъ или другомъ сочетаніи, какъ и мѣста и сравнительная сила ритмическихъ удареній, должны быть опредѣлены нами исключительно при помощи наблюденія надъ дозволенными и запрещенными въ шлокѣ соединеніями долготъ и краткостей. Эта работа облегчается самымъ разнообразіемъ этихъ соединеній.

И такъ стихъ шлока распадается на два равныхъ полустишія. Принадлежность двухъ полустишіей къ одной величинѣ, стиху, слѣдуетъ изъ постоянной разницы между первымъ и вторымъ, о которой уже было сказано. Однако связь между ними была не настолько тѣсна, чтобы дозволялось нарушеніе цезуры; наоборотъ: въ ней нерѣдко встрѣчается зіяніе, что свидѣтельствуетъ о нѣкоторой паузѣ. Отсюда далѣе слѣдуетъ, что на безразличіе послѣдняго слога перваго полустишія надобно смотрѣть точно такъ-же, какъ на то-же свойство того-же слога во второмъ полустишіи, а именно это былъ, очевидно, такой слогъ, который и при своей краткости могъ быть носителемъ ритмическаго ударенія.

Количественные языки, какъ и большинство тоническихъ (или качественныхъ), пользуются по большей части стихосложеніемъ стопнымъ, состоящимъ въ томъ, что ритмическое удареніе правильно повторяется послѣ одного или двухъ слоговъ, не имѣющихъ этого ударенія, причемъ въ первомъ случаѣ одно изъ двухъ стоящихъ рядомъ удареній звучитъ сильнѣе, чѣмъ сосѣднее. Такимъ образомъ слагаются стопы простыя, подчиненныя одному ударенію, и сложныя, имѣющія по два ударенія,—одно главное и одно второстепенное. Но нѣкоторые изъ тоническихъ языковъ признаютъ и другого рода стихосложеніе, такъ называемое силлабическое (или слоговое), основанное на счетѣ слоговъ почти безъ вниманія къ мѣсту ударенія. Таковы стихи польскіе и романскіе. Присматриваясь къ шлоку со стороны распредѣленія долготъ и краткостей, отъ котораго въ индѣйскихъ языкахъ

²⁾ Основныхъ частей ритма, т. е. такихъ наименьшихъ величинъ, по которымъ мы считаемъ тактъ $\frac{6}{8}$ (трохеи); такъ напр. въ $\text{PPP} \text{PPP}$ (= $\text{L} \text{U} \text{L} \text{U}$) или $\text{PPP} \text{PPP}$ (= $\text{L} \text{U} \text{U} \text{L} \text{U} \text{U}$) или $\text{PPP} \cdot$ (= $\text{L} \text{U} \text{L}$) основное время (мера) будетъ $\frac{1}{2}$. То-же и въ тактѣ $\frac{3}{4}$ (дактиль), если PPP (= $\text{L} \text{U} \text{U}$) мы будемъ считать не «разъ-два», а «разъ-два, разъ-два»—или «разъ-два, три-четыре». У Грековъ эта величина называлась *χρόνος πρῶτος*, у Римлянъ *тога*, у Индѣйцевъ *mātrā*. Отъ длительности ея зависитъ темпъ. Понятно, что опредѣленіе основнаго времени возможно лишь при кратномъ отношеніи между долготами и краткостями (т. е. при дѣлимости долготы на краткости безъ дробей въ результатѣ).

индо-европейскаго корня зависить мѣсто ритмическаго ударенія, мы замѣтимъ съ перваго взгляда, что этотъ размѣръ по устройству своего конца принадлежитъ къ стопнымъ, а по составу предшествующихъ концу частей относится къ разряду стиховъ слоговыхъ, такъ какъ въ нихъ представляетъ собою опредѣленное число слоговъ безъ опредѣленнаго порядка удареній. Однако и европейскіе слоговые стихи не совсѣмъ чужды стопности, а именно, послѣднее прозаическое удареніе такого стиха должно совпадать съ ритмическимъ, напр.

Una candida cerva sopra l'erba,

гдѣ на первомъ слогѣ слова *erba* сходятся ударенія обоихъ родовъ. Въ стихахъ, болѣе длинныхъ, которые имѣютъ постоянную цезуру, каковъ напр. александрійскій, это совпаденіе наблюдается и передъ цезурой. Такъ въ стихѣ:

Les voilà, ces coteaux, || ces bruyères fleuries

удареніе словъ *coteaux* и *fleuries* тождественно по мѣсту съ ритмическимъ. Впрочемъ польскій 13-сложный стихъ представляетъ уклоненіе отъ правила о совпаденіи удареній обоого рода передъ постоянной цезурой: вмѣсто мужского окончанія первой половины, какъ напр. у Кохановскаго:

W różnych głowach muszą być || różne obyczaje,

теперь употребляется исключительно женское:

Litwo, ojczyzna moja, || ty jesteś jak zdrowie.

Но какое право мы имѣемъ признавать такой-то слогъ силлабическаго стиха мѣстомъ ритмическаго ударенія, если стихъ этого склада основанъ лишь на счетѣ слоговъ и потому не заключаетъ въ себѣ правильнаго чередованія сильныхъ частей со слабыми, иными словами—лишенъ ритма? Дѣло въ томъ, что силлабическое стихосложеніе возникло на почвѣ народной или, вѣрнѣе, полународной пѣсни, въ которой опредѣленному музыкальному размѣру соотвѣтствовалъ вольный въ ритмическомъ отношеніи текстъ, совпадавшій обязательно съ размѣромъ напѣва только въ числѣ звуковыхъ единицъ (т. е. съ одной стороны—слоговъ, съ другой—нотъ) и въ послѣднемъ удареніи ритмическихъ рядовъ (стиховъ и полустихій). Потому въ основѣ всякаго силлабическаго стиха лежитъ стопный размѣръ, который и сказывается каждый разъ, какъ такой стихъ поется (повятно, не въ искусственныхъ стихотвореніяхъ, положенныхъ на музыку, да еще не тѣмъ лицомъ, которому принадлежитъ текстъ). Разумѣется, повѣрка посредствомъ напѣва возможна, говоря строго, только въ пѣснѣ; но есть и другіе признаки для опредѣленія этого, такъ сказать, идеальнаго размѣра. Такъ, если между стихами чисто силлабическаго характера попадаются стихи съ правильными стопами и потому безо всякой перестановки удареній вполне пригодные въ качествѣ музыкальнаго текста, то несомнѣнно именно они служатъ настоящими представителями основнаго ритма. Возьмемъ нарочно такой примѣръ изъ пѣсни, размѣръ которой извѣстенъ по напѣву, а именно слѣдующій краковякъ:

Bieży konik, bieży, bardzo się zadyszał,—

Nie powiem nikomu, co ja wczoraj słyszał.

Bieży konik, bieży, grzywa mu się jeży,—

Niechaj żaden chłopiec paniąkom nie wierzy.

Здѣсь первый и третій стихъ состоятъ изъ правильныхъ тоническихъ стопъ; зато они и совпадаютъ совершенно съ размѣромъ напѣва. Тѣмъ-же путемъ и относительно 13-сложнаго польскаго стиха мы заключаемъ изъ такихъ примѣровъ, какъ приведенный выше стихъ Кохановскаго, что въ основѣ его лежитъ слѣдующій ритмъ:

! . ! . ! . ! . ! || ! . ! . ! . ! .

Такъ какъ силлабическіе стихи (по крайней мѣрѣ, въ тоническихъ языкахъ) предполагаютъ въ своемъ стопномъ первообразѣ только двухсложныя стопы, для опредѣленія этого первообраза обыкновенно бываетъ довольно разстановки удареній черезъ слогъ, начиная съ послѣдняго ударенія ритмическаго ряда. Строеніе силлабическихъ стиховъ тѣмъ ближе къ основному ритму, чѣмъ яснѣе представлялся поэту ихъ напѣвъ. Потому въ народныхъ пѣсняхъ они бывають правильнѣе, чѣмъ въ стихотвореніяхъ искусственныхъ, предназначенныхъ для чтенія. Отсюда понятно, что, чѣмъ больше прошло времени съ тѣхъ поръ, какъ книжная поэзія даннаго народа отдѣлилась отъ пѣсенной, тѣмъ сильнѣе уклоняются ея силлабическіе стихи отъ музыкальной нормы. Нѣкоторыя изъ этихъ уклоненій—потому-ли, что находятъ себѣ поддержку въ ритмическихъ свойствахъ языка или по инымъ причинамъ—становятся постепенно обязательными, какъ напр. женское окончаніе первой половины 13-сложнаго стиха у Поляковъ, которое связано съ прикрѣпленіемъ польскаго ударенія къ предпослѣднему слогу, совершившимся, быть можетъ, позже, чѣмъ возникъ этотъ размѣръ.

Но стихи безо всякаго ритма, хотя-бы и съ опредѣленнымъ числомъ слоговъ, въ декламации, т. е. безъ напѣва, не производятъ на слушателя впечатлѣнія мѣрной рѣчи; да и для того, чтобы ухо могло уловить эти числовыя отношенія и ощутить равенство ритмическихъ отдѣловъ, необходимы внутри каждаго изъ нихъ болѣе или менѣе замѣтные пункты, которые дѣлили-бы звуковой матеріалъ на части, достаточно короткія для того, чтобы слухъ мгновенно схватывалъ число содержащихся въ нихъ слоговъ. Такими пунктами служатъ въ декламационныхъ силлабическихъ стихахъ обязательныя ударенія, изъ которыхъ послѣднее, какъ мы видѣли, совпадаетъ по мѣсту съ ритмическимъ, а прочія, не связанныя этимъ условіемъ, должны тѣмъ не менѣе быть на лицѣ въ опредѣленномъ по числу слоговъ количествѣ: въ 7-сложномъ и 8-сложномъ стихѣ ихъ два, въ 10-сложномъ и 11-сложномъ—три, въ 12-сложномъ и 13-сложномъ—четыре (по два въ каждомъ полустишіи). Мѣста ихъ не опредѣлены, но само собою разумѣется, что промежутки между ними должны быть болѣе или менѣе равномѣрны (не длиннѣе четырехъ слоговъ, чаще въ три и въ два). Кромѣ этихъ главныхъ удареній могутъ быть и второстепенныя, но они не обязательны, хотя при нихъ ритмъ лучше, потому что счетъ слоговъ дается легче.

Вотъ примѣръ этихъ удареній въ 12-сложномъ и 13-сложномъ стихѣ, т. е. въ силлабическомъ александрийскомъ, при чемъ главныя отмѣтимъ вертикальной чертой подлиннѣе, а второстепенныя — такой-же покороче:

$$\begin{array}{l} \overbrace{O\ po\grave{e}te!} \quad \overbrace{il\ est\ dur} \quad || \quad \overbrace{que\ la\ nature} \quad \overbrace{humaine}, \\ \overbrace{Qui\ marche} \quad \overbrace{\grave{a}\ pas\ compt\acute{e}s} \quad \overbrace{vers\ une\ fin} \quad \overbrace{certaine}, \\ \overbrace{Doive\ encor} \quad \overbrace{s'y\ tra\grave{in}er} \quad || \quad \overbrace{en\ portant} \quad \overbrace{une\ croix}, \\ \overbrace{Et\ qu'il\ faille} \quad \overbrace{\acute{a}ci-bas} \quad || \quad \overbrace{mourir} \quad \overbrace{plus\ d'une\ fois}. \end{array}$$

Благодаря присутствію такихъ удареній, въ этихъ стихахъ слышится не совсѣмъ ровный, но все-таки ясно ощутимый ритмъ, потому что каждый изъ нихъ разбивается удареніями на отдѣлы, содержащіе въ себѣ отъ 2 до 4 слоговъ. Впечатлѣніе ритмичности производится здѣсь именно равномерностью отдѣловъ, которые при полномъ равенствѣ превратились бы въ стопы и дали бы въ своей послѣдовательности уже совершенно правильный ритмъ. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что границы отдѣловъ зависятъ не только отъ удареній, но и отъ смысла, такъ какъ начало и конецъ cadaго отдѣла обязательно совпадаютъ съ началомъ и концемъ слова. Такимъ образомъ получается ритмъ, отчасти обусловленный логикой, т. е. уже чисто-декламационный и совсѣмъ негодный для пѣнія, если только композиторъ, который задумаетъ положить такой текстъ на музыку, не постарается приноровить ритмически свою мелодію къ каждому стиху въ отдѣльности (какъ напр. въ первой строфѣ Марсельезы).

Разсмотрѣвъ свойства силлабическихъ стиховъ у европейскихъ народовъ, возвратимся къ индѣйскому шлоку. И такъ это размѣръ силлабическій, но его ритмическій первообразъ, какъ видно изъ строя заключительной стопы, основанъ не на произическомъ удареніи, а на разницѣ между долготою и краткостью слоговъ³⁾. Тотъ-же двойной ямбъ въ концѣ шлока показываетъ, что этотъ первообразъ, осуществившійся вполне, можетъ быть, только въ пѣніи, имѣлъ движеніе ямбическое, что подтверждается и многочисленными примѣрами изъ ведійскихъ *anuştuḥ* и *gāyatṛī*, ритмическіе члены которыхъ тождественны по характеру съ членами шлока, напр. въ Ригведѣ I, 25, 4:

$$\overline{pā} \overline{ā} \overline{hī} \overline{mē} \overline{vī} \overline{mā} \overline{nyā} \overline{vā} \overline{h} \quad || \quad \overline{pā} \overline{ā} \overline{ntī} \overline{vā} \overline{sū} \overline{ā} \overline{i} \overline{ṣṭā} \overline{yā} \overline{e}.$$

Но извѣстные намъ шлоки состоятъ не изъ ямбовъ, а изъ слоговъ

³⁾ Для незнающихъ санскрита замѣтимъ, что условія долготы слога въ этомъ языкѣ тѣ-же, что въ классическихъ, т. е. или природная долгота гласной даннаго слога или двѣ и болѣе согласныхъ послѣ него (долгота по положенію, напр. *mātā* — (PP), *astī* — (PP)). Впрочемъ нотное обозначеніе долготы и краткостей въ языкѣ слѣдуетъ считать лишь приблизительнымъ: отношеніе между ними при безыскусственномъ произношеніи обыкновенно бываетъ ирраціонально, т. е. некратно. Гласныя *e* и *o* въ санскритѣ всегда долги, потому что образовались изъ двогласныхъ *ai* и *au*.

различной мѣры, сопоставленныхъ какъ будто произвольно. Эти шлоки, употреблявшіеся въ эпосѣ и дидактикѣ, предназначались, очевидно, для декламации, а не для пѣнія. Такимъ образомъ, какъ по употребленію, такъ и по строенію (изъ двухъ полустишій), шлокъ близко подходитъ къ польскому 13-сложному и французскому 12- или 13-сложному стиху. Что и въ шлокѣ мы должны искать ритмическихъ удареній, не взирая на непостоянство въ распредѣленіи долготъ и краткостей, слѣдуетъ заключить а priori изъ аналогіи силлабическихъ стиховъ на тоническомъ основаніи, но въ особенности изъ того обстоятельства, что долгихъ слоговъ не можетъ быть болѣе 7 въ первомъ полустишіи шлока и болѣе 6 во второмъ и съ другой стороны ихъ должно быть не менѣе 3 на каждую половину или, наоборотъ, краткихъ въ одномъ полустишіи не бываетъ болѣе 5 и менѣе 1 въ первомъ полустишіи и 2—во второмъ. Само собою разумѣется, что въ счетъ краткихъ не входятъ заключительные слоги ритмическихъ членовъ (т. е. стоящіе передъ цезурой и въ концѣ стиха), потому что они, какъ сказано выше, во всякомъ случаѣ считаются долгими. При томъ краткихъ не бываетъ болѣе 3 подъ рядъ. Всѣ эти ограниченія соблюдаются какъ въ шлокѣ, такъ и въ ануштубѣ и въ гаятри; но есть и другія, обязательныя только для шлока: ни то, ни другое полустишіе не можетъ начинаться стопою (въ индѣйскомъ смыслѣ) — — — или — — —; въ началѣ перваго полустишія стопы, оканчивающіяся на краткость, т. е. — — —, — — — и — — — допустимы только передъ — — —; трошеевъ или, что сводится къ тому-же, ямбовъ не должно быть болѣе двухъ подъ рядъ (откуда слѣдуетъ между прочимъ, что второе полустишіе не можетъ начинаться стопами — — — и — — —) и т. п. Сверхъ всего этого вторая стопа перваго полустишія, какъ уже было замѣчено, является обыкновенно въ видѣ — — —, рѣже — — — или — — —, еще рѣже — — —, иногда — — — или — — —, но никогда — — — или — — —. Короче сказать, законными формами перваго полустишія можно признать только слѣдующія:

I. 1) — — — 2) — — — 3) — — — 4) — — — 5) — — — 6) — — — 7) — — — 8) — — — 9) — — — 10) — — — 11) — — — 12) — — —		II. 13) — — — 14) — — — 15) — — — 16) — — — 17) — — — 18) — — —	} — — — или — — — или — — — или — — —
		III. 19) — — — 20) — — —	} — — —

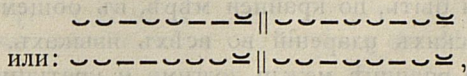
Во второмъ полустишіи первая стопа имѣетъ тѣ-же формы, что въ первомъ за исключеніемъ, уже упомянутымъ, ямбической диподіи (— — —).

Чѣмъ, кромѣ ритма, могли быть обусловлены эти ограниченія?

Но если ритмическія ударенія въ шлокѣ дѣйствительно были, то сколько-же ихъ приходилось на полустишіе? Прежде, чѣмъ отвѣчать на

этотъ вопросъ, припомнимъ, 1) что въ силлабическихъ стихахъ ударенія бываютъ главныя и второстепенныя, 2) что въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ главнымъ удареніемъ можетъ быть только второстепенное, 3) что въ стихахъ метрическихъ, по образцу которыхъ построенъ конецъ шлока (— — —), главное удареніе падаетъ несомнѣнно лишь на такую долготу, за которой слѣдуетъ краткость, или, такъ какъ долгота можетъ быть замѣнена двумя краткостями, на первую изъ трехъ стоящихъ рядомъ краткостей, также на долготу, растянутую свыше 2 времени — въ 3 (— = ̣̣) или въ 4 (— = ̣̣̣̣), или на послѣдній слогъ ритмическаго ряда (полустипія, стиха и т. п.).

Изъ такой формы шлока, какъ слѣдующая:

необходимо заключить, что обязательныхъ, т. е. главныхъ, удареній въ шлокѣ было не болѣе двухъ на полустипію, такъ какъ при такомъ построеніи (съ наименьшимъ числомъ долготъ) въ первой половинѣ лишь одна долгота приходится передъ краткостью, а во второй, хотя главное удареніе могло, повидимому, упасть не только на двѣ первыя долготы, но и на конечную, отъ чего получилось бы три одинаково ударяемыхъ слога, однако не слѣдуетъ упускать изъ-виду, что ямбы вслѣдствіе незначительности своего протяженія во времени естественно соединяются по два подъ однимъ главнымъ удареніемъ (въ диподіи или сизигіи). Въ ямбахъ Грековъ и Римлянъ, какъ видно изъ частой замѣны первой краткости диподіи долготою при неприкосновенности второй краткости, главное удареніе въ диподіи падало на долготу перваго ямба, а долгота втораго ямба производилась лишь со второстепеннымъ удареніемъ (— ̣ — ̣). Такъ-ли было и въ индѣйскомъ шлокѣ? Очевидно, нѣтъ, потому что при греческой ритмизаціи ямбической диподіи было бы довольно краткости одного предпоследняго слога, а четвертый отъ конца могъ бы быть безразличенъ. Если-же шлокъ оканчивается неизмѣнно на — — —, это значить, что главное удареніе падало на долготу, предшествующую этой диподіи, а потому удареніе перваго ямба было второстепенное, а втораго — главное. Что-же касается постоянной краткости предпоследняго слога, то она не состоитъ ни въ какой связи съ силою ударенія и обусловлена лишь общимъ метрическимъ закономъ, — что въ послѣднемъ ритмическомъ рядѣ, оканчивающемся на удареніе, слогъ, предшествующій этому ударенію, если не заключаетъ въ себѣ растянутой долготы, долженъ быть кратокъ. Правда, если передъ заключительными ямбами находилась не долгота, а трохей (— ̣ | — ̣ — ̣), за долготою слѣдовала не одна краткость, а двѣ, что по времени тождественно съ долготою и потому должно было ослаблять силу предъидущаго ударенія; но не слѣдуетъ забывать, что въ основѣ шлока лежалъ первообразъ ямбическій, какъ видно изъ конечной диподіи, а въ этомъ первообразѣ передъ нею стояла долгота. И такъ, отправляясь отъ ямбической диподіи, заканчивающей собою стихъ, мы должны признать, что шлокъ

шеніе слоговъ различной мѣры въ отдѣльныхъ тактахъ или частяхъ такта: мѣнялись лишь основныя тактовыя величины (см. примѣч. 2). Переменная темпа въ зависимости отъ слогового содержанія такта составляетъ необходимое условіе правильной декламаціи даже въ тоническихъ языкахъ, гораздо менѣе чувствительныхъ къ различіямъ въ продолжительности слоговъ и ритмическихъ отдѣловъ. Въ видахъ того-же равновѣсія между отдѣлами силлабическаго стиха Французы затягиваютъ или дополняютъ паузою, — конечно, едва замѣтною — слогъ, несущій на себѣ главное удареніе, если второстепенное при немъ отсутствуетъ. Такъ въ стихахъ:

$\overbrace{\text{Quand je rentraï chez moi,}} \parallel \overbrace{\text{je vis cette richesse,}}$
 $\overbrace{\text{Je me souvins alors}} \parallel \overbrace{\text{de ce jour de détresse}}$

на слова *vis* и *jour* полагается больше времени, чѣмъ на прочіе слоги съ главнымъ удареніемъ. Даже мы, Русскіе, при своемъ стопномъ стихосложеніи, не чуждаемся затяжки слоговъ для уравниванія стиховъ относительно ихъ продолжительности, по крайней мѣрѣ, въ томъ стихѣ, который у насъ по безпорядочности въ распредѣленіи главныхъ и второстепенныхъ удареній ближе всѣхъ подходитъ къ силлабическимъ, — въ четырехстопномъ ямбѣ, а именно когда главное ритмическое удареніе падаетъ на первый ямбъ (а не на второй, что было бы лучше) и за нимъ идетъ слогъ безъ прозаическаго ударенія. Читая вслухъ напр. слѣдующіе стихи:

$\overbrace{\text{Какое низкое коварство}}$
 $\overbrace{\text{Полуживого забавлять,}}$
 $\overbrace{\text{Ему подушки поправлять,}}$
 $\overbrace{\text{Печально подносить лькарство,}}$

мы бессознательно протягиваемъ *ль* въ словѣ *печально* и отрываемъ слогъ — *но* отъ слога *под* —, такъ какъ, торопясь дойти до слѣдующаго главнаго ударенія, мы выговариваемъ слово *подносить* такъ скоро, что безъ нѣкоторой задержки послѣ перваго ударенія этотъ стихъ оказался бы по времени короче другихъ. Впрочемъ о количественныхъ отношеніяхъ слоговъ въ санскритѣ будетъ сказано ниже, а теперь достаточно замѣтить, что читатели шлока могли руководиться при разстановкѣ удареній отчасти общимъ теченіемъ всего полустушія. Эта задача значительно облегчалась имъ тѣмъ, что стихъ шлока, какъ мы уже знаемъ, распадается на четыре отдѣла, границы которыхъ большею частію обозначаются началомъ и концемъ словъ, что можно видѣть отчетливо на приведенномъ выше примѣрѣ. Первое полустушіе его втораго стиха представляетъ собою лишь кажущееся исключеніе: *a'bivâdyânapûrveṇa* — не одно слово, а два, *a'bivâdya* *apûrveṇa*, произнесенныя со слитіемъ двухъ соприкасающихся гласныхъ, а въ такихъ случаяхъ — потому-ли, что въ происшедшей изъ слитія дол-

готѣ особенно отчетливо слышалась двойная гласная (ср. примѣч. 1), или вслѣдствіе сознанія того, что здѣсь два слова, а не одно — непрерывность произношенія не составляла препятствія къ ритмической остановкѣ или, говоря иначе, къ перерыву legato, хотя, быть можетъ, на самомъ дѣлѣ лишь воображаемому, на что ниже будутъ примѣры. Растянутая на 3 времени долгота также считается въ этомъ случаѣ за двѣ гласныя. Одно-сложныя соединяются съ предъидущимъ или съ послѣдующимъ словомъ на основаніи смысла, которому въ разбивкѣ стиха на отдѣлы принадлежить вообще выдающееся мѣсто. Въ сложныхъ словахъ граница, если окажется внутри слова, проходитъ между членами сложенія, напр.:

$\frac{1}{\text{ya}}\frac{1}{\text{ja}}\bar{\text{v}}\bar{\text{a}}, \frac{1}{\text{d}}\bar{\text{a}}\bar{\text{n}}\bar{\text{a}}-\frac{1}{\text{p}}\bar{\text{a}}\bar{\text{t}}\bar{\text{i}}\bar{\text{r}}, \frac{1}{\text{d}}\bar{\text{a}}\bar{\text{k}}\bar{\text{s}}\bar{\text{a}}\bar{\text{h}}, \parallel \frac{1}{\text{p}}\bar{\text{a}}\bar{\text{u}}\bar{\text{r}}\bar{\text{a}}\bar{\text{j}}\bar{\text{a}}\bar{\text{n}}\bar{\text{a}}-\frac{1}{\text{p}}\bar{\text{a}}\bar{\text{d}}\bar{\text{a}}\bar{\text{p}}\bar{\text{r}}\bar{\text{i}}\bar{\text{y}}\bar{\text{a}}\bar{\text{h}},$
 $\frac{1}{\text{p}}\bar{\text{a}}\bar{\text{r}}\bar{\text{t}}\bar{\text{i}}\bar{\text{v}}\bar{\text{o}}, \frac{1}{\text{c}}\bar{\text{v}}\bar{\text{a}}\bar{\text{p}}\bar{\text{a}}\bar{\text{t}}\bar{\text{i}}\bar{\text{r}} \bar{\text{n}}\bar{\text{ā}}\bar{\text{m}}\bar{\text{a}}, \parallel \frac{1}{\text{s}}\bar{\text{a}}\bar{\text{r}}\bar{\text{v}}\bar{\text{a}}-\frac{1}{\text{b}}\bar{\text{ū}}\bar{\text{t}}\bar{\text{a}}-\frac{1}{\text{h}}\bar{\text{i}}\bar{\text{t}}\bar{\text{e}} \frac{1}{\text{r}}\bar{\text{a}}\bar{\text{t}}\bar{\text{a}}\bar{\text{h}}.$

Сюда, можетъ быть, слѣдуетъ отнести и дѣленіе слова по его грамматическому составу, напр.:

$\frac{1}{\text{p}}\bar{\text{u}}\bar{\text{r}}\bar{\text{ā}} \frac{1}{\text{m}}\bar{\text{ā}}\bar{\text{m}} \frac{1}{\text{ū}}\bar{\text{c}}\bar{\text{a}}-\frac{1}{\text{t}}\bar{\text{u}}\bar{\text{ç}} \frac{1}{\text{c}}\bar{\text{a}}\bar{\text{i}}\bar{\text{v}}\bar{\text{ā}} \parallel \frac{1}{\text{r}}\bar{\text{ā}}\bar{\text{t}}\bar{\text{r}}\bar{\text{ā}}\bar{\text{v}} \frac{1}{\text{a}}\bar{\text{s}}\bar{\text{r}}\bar{\text{ā}}\bar{\text{y}}\bar{\text{a}}\bar{\text{m}}\bar{\text{ā}}\bar{\text{n}}\bar{\text{ā}}\bar{\text{k}}\bar{\text{a}}\bar{\text{u}},$
 $\frac{1}{\text{b}}\bar{\text{ṛ}}\bar{\text{ç}}\bar{\text{a}}\bar{\text{ṃ}} \frac{1}{\text{s}}\bar{\text{u}}\bar{\text{d}}\bar{\text{u}}\bar{\text{ḥ}}\bar{\text{k}}\bar{\text{i}}-\frac{1}{\text{t}}\bar{\text{a}}\bar{\text{u}} \frac{1}{\text{v}}\bar{\text{ṛ}}\bar{\text{d}}\bar{\text{d}}\bar{\text{ā}}\bar{\text{u}} \parallel \frac{1}{\text{b}}\bar{\text{a}}\bar{\text{h}}\bar{\text{u}}\bar{\text{ç}}\bar{\text{a}}\bar{\text{ḥ}} \frac{1}{\text{p}}\bar{\text{ṛ}}\bar{\text{i}}\bar{\text{t}}\bar{\text{i}}\bar{\text{s}}\bar{\text{a}}\bar{\text{ṃ}}\bar{\text{y}}\bar{\text{a}}\bar{\text{t}}\bar{\text{a}}\bar{\text{u}}.$

Въ стихѣ

$\frac{1}{\text{p}}\bar{\text{u}}\bar{\text{r}}\bar{\text{ā}}\bar{\text{b}}\bar{\text{ū}}\bar{\text{d}} \frac{1}{\text{D}}\bar{\text{e}}\bar{\text{v}}\bar{\text{a}}-\frac{1}{\text{s}}\bar{\text{e}}\bar{\text{n}}\bar{\text{ā}}\bar{\text{k}}\bar{\text{y}}\bar{\text{o}} \parallel \frac{1}{\text{r}}\bar{\text{ā}}\bar{\text{j}}\bar{\text{ā}} \frac{1}{\text{m}}\bar{\text{ā}}\bar{\text{t}}\bar{\text{i}}-\frac{1}{\text{m}}\bar{\text{ā}}\bar{\text{t}}\bar{\text{ā}}\bar{\text{m}} \frac{1}{\text{v}}\bar{\text{a}}\bar{\text{r}}\bar{\text{ā}}\bar{\text{h}}$

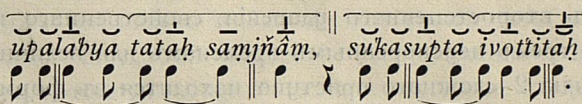
отдѣленіе *matī-* отъ *matām* можетъ показаться сомнительнымъ по ритмическимъ причинамъ, — по крайней мѣрѣ, съ точки зрѣнія классической метрики: первый слогъ трибрахія получаетъ ритмическое удареніе лишь подъ условіемъ неразрывной связи съ двумя послѣдующими слогами. Но дѣленіе *matī-matām*, конечно, представлялось только сознанію, а не осуществлялось при декламациі. Впрочемъ разбивка полустихія на отдѣлы, вѣроятно, часто предоставлялась чутью и вкусу слушателей и читателей.

Ритмическое движеніе одного полустихія нисколько не зависитъ отъ другого: оба представляютъ собою вполне самостоятельныя единицы. Это доказывается тѣмъ, что сказано выше о безразличіи послѣдняго слога передъ цезурой и о зіяніи въ томъ-же мѣстѣ стиха, а также отсутствіемъ энклитическихъ словъ на первомъ мѣстѣ второго полустихія.

Въ разобранныхъ нами до сихъ поръ примѣрахъ шлока мы видѣли слѣдующія формы 1-й стопы (въ индѣйскомъ смыслѣ): — — — — , — — — — , — — — — , — — — — , — — — — , — — — — , — — — — , за которыми въ первомъ полустихіи всегда слѣдовала — — — — , т. е., ритмически, $\text{— — — —} = \text{|||}$. Принимая въ расчетъ такое окончаніе, какъ и неизмѣнное — — — — второго полустихія, мы должны признать, что изъ этихъ формъ первыя три сводятся въ ритмическомъ отношеніи къ одной: — — — — ; такъ-же и двѣ слѣдующія за ними — къ — — — — , съ чѣмъ по ударенію тождественна шестая изъ этихъ стопъ: — — — — ; седьмая уже извѣстна намъ съ удареніями — — — — . И такъ мы познакомились на примѣрахъ съ формами перваго полустихія, означенными въ

помѣщенномъ выше списокъ числами: 1, 3, 4, 7, 8, 9 и 11. Ритмическій анализъ на основаніи соотношеній долготъ и краткостей показываетъ, что въ первыхъ трехъ (а потому, очевидно, и въ попадавшейся намъ 2-ой — $\underline{\text{—}}\underline{\text{—}}\underline{\text{—}}$) и въ 11-ой первому главному ударенію, т. е. началу перваго такта, предшествуетъ приступъ ($\acute{\alpha}\nu\acute{\alpha}\kappa\rho\upsilon\sigma\iota\varsigma$, Auftakt) изъ 3 слоговъ (или, при наличности соответствующаго напѣва, нотъ), въ 7-ой, 8-ой и 9-ой — изъ 2 слоговъ (или нотъ). Слѣдовательно первый тактъ (до втораго главнаго ударенія) является въ такихъ видахъ: $\underline{\text{—}}\underline{\text{—}}\underline{\text{—}}$, $\underline{\text{—}}\underline{\text{—}}\underline{\text{—}}$, $\underline{\text{—}}\underline{\text{—}}\underline{\text{—}}$. То же и во второмъ полустипіи за тѣмъ лишь исключеніемъ, что, вслѣдствіе обязательнаго окончанія $\underline{\text{—}}\underline{\text{—}}\underline{\text{—}}$, второю (и второстепенною по ударенію) частью такта будетъ не спондей (—), а трохей (—). Очевидно, эти величины въ произношеніи были равны между собою. За вычетомъ этой второстепенной части такта равными другъ другу окажутся $\underline{\text{—}}$, $\underline{\text{—}}$ и $\underline{\text{—}}$, т. е. ♩ , ♩♩ и ♩♩♩ , трохей, дактиль и трибрахій. Объ уравненіи этихъ различныхъ тактовъ посредствомъ измѣненія темпа было уже упомянуто по поводу первыхъ двухъ примѣровъ, приведенныхъ въ нашемъ изслѣдованіи; но нельзя отрицать при этомъ и возможности нѣкотораго нарушенія нормальной ритмической пропорціи между долготою и краткостью посредствомъ ирраціональнаго произношенія долгихъ слоговъ (см. примѣчаніе 3). Соединеніемъ ускореннаго темпа съ ирраціональностью долготъ, — по крайней мѣрѣ, въ 4-временныхъ стопахъ — совершенно естественно объясняется то, что дактиль и спондей, а съ ними и дактилическій анапестъ ($\underline{\text{—}}$) могли считаться равными трохею. Но, какова бы ни была причина этого явленія, теперь мы можемъ отнестись уже вполне сознательно къ тому «ямбическому» характеру шлока, который смутно представлялся чутью прежнихъ изслѣдователей: основная стопа его тактовъ есть трохей, откуда слѣдуетъ, что музыкальный размѣръ шлока долженъ быть опредѣленъ, какъ $\frac{6}{8}$. Но это еще не значить, что шлокъ — стихъ троханческій: своимъ движеніемъ, рѣшительно восходящимъ, онъ дѣйствительно напоминаетъ ямбъ, и не только своимъ концемъ, уже чисто ямбическимъ, но и началомъ, состоящимъ всегда изъ приступа съ удареніемъ только второстепеннымъ.

Для уразумѣнія ритмики шлока весьма важна форма 10-ая, начинающаяся двумя анапестами, иногда въ обоихъ полустипіяхъ вмѣстѣ, какъ *Sāvitrī V, 67a*:

На основаніи всѣхъ тѣхъ свѣдѣній о ритмѣ шлока, которыя мы уже приобрѣли, не можетъ быть сомнѣнія въ правильности такой разстановки удареній и такого опредѣленія длительности отдѣльныхъ слоговъ, такъ какъ различное измѣреніе двухъ рядомъ стоящихъ анапестовъ (полный темпъ перваго и ускоренный втораго) необходимо вытекаетъ изъ мѣстъ, занимаемыхъ каждымъ изъ нихъ въ стихѣ: второй (слоги — *bya tataḥ*) долженъ быть приравненъ къ ямбу, да и то урѣзанному (не ♩ , а приближи-

право размѣтить безъ дальнѣйшихъ разысканій на основаніи уже выясненныхъ фактовъ:

$\overset{\text{—}}{\text{tāc}} \overset{\text{—}}{\text{cā}} \overset{\text{—}}{\text{sāṃsmṛtya}}, \overset{\text{—}}{\text{sāṃsmṛtya}} \quad \overset{\text{—}}{\text{rūpam}} \overset{\text{—}}{\text{āty}} \overset{\text{—}}{\text{adbhutam}} \overset{\text{—}}{\text{Hareḥ}},$
 $\overset{\text{—}}{\text{vismayo}} \overset{\text{—}}{\text{mē}} \overset{\text{—}}{\text{mahān}}, \overset{\text{—}}{\text{rājan}}, \quad \overset{\text{—}}{\text{hr̥ṣyāmī}} \overset{\text{—}}{\text{cā}} \overset{\text{—}}{\text{punaḥ}} \overset{\text{—}}{\text{punaḥ}}.$

Дѣйствительно, во всѣхъ формахъ, которыхъ 4-й слогъ дологъ, а именно въ 1-й, 2-ой, 3-ей, 4-ой и 11-ой, первые три слога оказались приступомъ. Въ 12-ой формѣ 4-ый слогъ также дологъ и, несомнѣнно, снабженъ главнымъ ритмическимъ удареніемъ. Но точно-ли это настоящій кретикъ въ 5 время ($\overset{\text{—}}{\text{—}} \overset{\text{—}}{\text{—}} \overset{\text{—}}{\text{—}}$)? Это совершенно невѣроятно уже вслѣдствіе обыкновенной длительности приступа въ шлокѣ, которая колеблется между 2 и 4 временами. Кромѣ того спондей — все равно, нисходящій ($\overset{\text{—}}{\text{—}}$) или восходящій (— —) — имѣеть въ шлокѣ продолжительность 3 время, а послѣдній слогъ этого кретика со слѣдующей за нимъ долготой составляетъ именно восходящій спондей. И такъ въ приступѣ этого вида во всякомъ случаѣ меньше 5 время. Впрочемъ для точнаго ритмическаго опредѣленія такого приступа, а съ нимъ и нѣкоторыхъ изъ уже обращавшихъ на себя наше вниманіе разсмотримъ остальные формы шлока.

Онѣ рѣзко распадаются на два отдѣла. Въ первомъ изъ нихъ (13-я — 18-ая) первая стопа (опять — таки въ индѣйскомъ смыслѣ) всѣ уже намъ извѣстны: стоитъ лишь сравнить 13-ую форму съ 1-ой, 14-ую со 2-ой, 15-ую съ 3-ей, 16-ую съ 4-ой, 17-ую съ 11-ой, 18-ую съ 12-ой. Отличіе этого отдѣла отъ предъидущаго заключается во второй стопѣ, которая является въ 4 видахъ, впрочемъ также намъ знакомыхъ, только въ другихъ мѣстахъ стиха, гдѣ мы и опредѣлили ихъ ритмическое удареніе. Но само собою разумѣется, что разница мѣста должна отозваться нѣсколько и на свойствахъ этихъ метрическихъ группъ. Во первыхъ, тамъ онѣ намъ встрѣчались частію въ началѣ, частію въ серединѣ полустишія, здѣсь онѣ стоятъ въ концѣ его, — слѣдовательно здѣсь ихъ послѣдній слогъ безразличенъ, хотя и снабженъ удареніемъ; во вторыхъ, тамъ дактиль и трибрахій занимали мѣсто тотчасъ послѣ приступа и потому имѣли на себѣ удареніе главное, здѣсь онѣ слѣдуютъ непосредственно за слогомъ съ главнымъ удареніемъ⁵⁾ и предшествуютъ таковому-же, потому, сохраняя удареніе на томъ-же мѣстѣ, т. е. на своемъ первомъ слогѣ, они по своему положенію во второстепенной части такта не могутъ удержать его въ прежней силѣ. И такъ ритмически эти 4-сложныя группы въ концѣ полустишія сводятся къ слѣдующимъ двумъ видамъ: $\overset{\text{—}}{\text{—}} \overset{\text{—}}{\text{—}} \overset{\text{—}}{\text{—}}$ и $\overset{\text{—}}{\text{—}} \overset{\text{—}}{\text{—}} \overset{\text{—}}{\text{—}}$. Но такъ какъ ихъ первый слогъ носить на себѣ удареніе, а передъ нимъ всегда находится слогъ также съ удареніемъ, является столкновеніе двухъ удареній,

⁵⁾ Что и стопа — — — — имѣеть главное удареніе на послѣднемъ слогѣ (а второстепенное — на второмъ), доказывается тѣмъ, что 1) она встрѣчается еще только передъ $\overset{\text{—}}{\text{—}} \overset{\text{—}}{\text{—}} \overset{\text{—}}{\text{—}}$, 2) она есть вариантъ при $\overset{\text{—}}{\text{—}} \overset{\text{—}}{\text{—}} \overset{\text{—}}{\text{—}}$, а не при $\overset{\text{—}}{\text{—}} \overset{\text{—}}{\text{—}} \overset{\text{—}}{\text{—}}$, вариантомъ которой на основаніи условій главнаго ударенія (см. стр. 7) слѣдуетъ признать $\overset{\text{—}}{\text{—}} \overset{\text{—}}{\text{—}} \overset{\text{—}}{\text{—}}$.

хотя и различной силы. Исходъ изъ такого столкновенія ритмика указываетъ одинъ—протяженіе перваго изъ двухъ стоящихъ рядомъ ударяемыхъ слоговъ до длительности столькихъ временъ, сколько ихъ нужно въ данномъ родѣ ритма для образованія ударенія, хотя бы второстепеннаго, или же паузу послѣ этого слога, дополняющую его до той-же длительности. Такимъ образомъ 4-й слогъ въ шлокѣ этого отдѣла долженъ быть растянутъ въ 3 времени, если онъ находится внутри слова, и дополненъ паузой, если онъ оказывается конечнымъ,—вѣроятно, также между членами сложнаго слова. Впрочемъ паузу (или, можетъ быть, удвоеніе согласной) придется допустить и внутри простаго слова, если 3-временный слогъ дологъ только по положенію, въ которомъ первая согласная относится къ разряду мгновенныхъ. Послѣ этого неудивительно, что такой паузой отдѣляются иногда отъ предшествующихъ словъ энклитики hi, tu, sa и т. п. Вотъ примѣры почти всѣхъ возможныхъ формъ этого рода:

- 1) $\overline{\text{tato}} \overline{\text{Vidarbapataye}} \wedge \overline{\text{Damayantyāḥ}} \overline{\text{sakījanāḥ}}$ (Nal. II, 5 $\underline{\text{б}}$).
- 2) $\overline{\text{ājānāntyā}} \overline{\text{yad anāyā}} \wedge \overline{\text{guṇavān}} \overline{\text{Satyavān}} \overline{\text{vṛtaḥ}}$ (Sâv. II, 11 $\underline{\text{б}}$).
- 3) $\overline{\text{sattvaṃ, rājas,}} \overline{\text{tama iti}} \wedge \overline{\text{guṇāḥ}} \overline{\text{prakṛtisambavāḥ}}$ (Bagav. XIV, 5 $\underline{\text{а}}$).
- 4) $\overline{\text{nānācāstrapraharanāḥ,}} \overline{\text{sarve yuddhāvīcāradāḥ}}$ (тамъ-же I, 9 $\underline{\text{б}}$).
- 5) $\overline{\text{punar āgamyā Niṣadān}} \wedge \overline{\text{Nalē sarvaṃ nivedayat}}$ (Nal. I, 32 $\underline{\text{б}}$).
- 6) $\overline{\text{devarājasya bavanaṃ}} \overline{\text{viviçāte}} \overline{\text{supūjitau}}$ (тамъ-же II, 14 $\underline{\text{б}}$).
- 7) $\overline{\text{yātā tvad anyam}} \overline{\text{puruṣam}} \wedge \overline{\text{nā sâ maṃsyati}} \overline{\text{karhicit}}$ (тамъ-же I, 21 $\underline{\text{б}}$).
- 8) $\overline{\text{tatās tu çvaçrūçvaçurāv}} \wedge \overline{\text{ūcatus tām}} \overline{\text{nṛpātmajāṃ}}$ (Sâv. IV, 15 $\underline{\text{а}}$).
- 9) $\overline{\text{tasmāi prasanno Damanāḥ}} \wedge \overline{\text{sabāryāyā}} \overline{\text{varaṃ dādau}}$ (Nal. I, 8 $\underline{\text{а}}$).
- 10) $\overline{\text{astistūnam}} \wedge \overline{\text{snāyuyutaṃ}} \wedge \overline{\text{māmsaçoṇitalepanam}}$ (Manu VI, 76 $\underline{\text{а}}$).
- 11) $\overline{\text{ādīyajnam}} \wedge \overline{\text{brahma jāped,}} \wedge \overline{\text{ādidaivikam}} \overline{\text{eva ca}}$ (тамъ-же 83 $\underline{\text{а}}$).⁶⁾
- 12) $\overline{\text{ūrdvadrṣṭir,}} \wedge \overline{\text{dyānaparā}} \parallel \overline{\text{babūvonmattadarçanā}}$ (Nal. II, 3 $\underline{\text{а}}$).

- 13) — — — —
- 14) — — — — } — — — = встрѣчаются, кажется, только въ ведійскихъ anuṣṭubh и gāyatrī и въ шлокахъ позднѣйшихъ.
- 15) — — — —

⁶⁾ Формы 10-ая и 11-ая попадаютъ рѣже предъидущихъ.

- 16) $\overline{\text{ā}}\text{śid}$ $\overline{\text{Mādre}}\text{ṣu}$ $\overline{\text{mahā}}\text{tmā}$ \wedge $\overline{\text{rājā}}$ $\overline{\text{pāra}}\text{madārmikāḥ}$ (Sāv. I. 2_a). 7).
- 17) $\overline{\text{---}}$ } $\overline{\text{---}}$ не встрѣчаются?
- 18) $\overline{\text{---}}$ }
- 19) $\overline{\text{nivedyā}}\text{tām}$ \wedge $\overline{\text{Naiṣadā}}\text{yā}$ $\overline{\text{sarvāḥ}}$ $\overline{\text{prakṛtayaḥ}}$ $\overline{\text{sītāḥ}}$ (Nal. VII, 12_a).
- 20) $\overline{\text{smṛtibram}}\text{çād}$ \wedge $\overline{\text{buddhīnā}}\text{ço}$, \wedge $\overline{\text{buddhīnā}}\text{çāt}$ $\overline{\text{prāna}}\text{çyati}$ ('Bagav. II, 63_b).
- 21) $\overline{\text{akṣapriyāḥ}}$, \wedge $\overline{\text{satyavādī}}$, \parallel $\overline{\text{mahān}}$ $\overline{\text{akṣauhinī}}\text{pātīḥ}$ (Nal. I, 3_b).
- 22) $\overline{\text{yeṣā}}\text{m}$ $\overline{\text{arte}}$ \wedge $\overline{\text{kāṅksita}}\text{m}$ \parallel $\overline{\text{no}}$ $\overline{\text{rājya}}\text{m}$, $\overline{\text{bogāḥ}}$ $\overline{\text{sukāni}}$ $\overline{\text{ca}}$ ('Bagav. I, 33_a).
- 23) $\overline{\text{āta}}$ $\overline{\text{cāina}}\text{m}$ \wedge $\overline{\text{nityajā}}\text{tām}$ \wedge $\overline{\text{nitya}}\text{m}$ $\overline{\text{vā}}$ $\overline{\text{mānyase}}$ $\overline{\text{mrta}}\text{m}$ (тамъ-же II, 26_a).
- 24) $\overline{\text{eva}}\text{m}$ $\overline{\text{ukte}}$ \wedge $\overline{\text{Naiṣadēna}}$ $\overline{\text{Maḡavān}}$ $\overline{\text{ābyabā}}\text{ṣata}$ (Nal. III, 3_a).

Другой отдѣлъ формъ, не затронутыхъ въ началѣ изслѣдованія, состоитъ лишь изъ двухъ видовъ, которыхъ первая стопа имѣетъ движеніе какъ будто ямбическое (— — — въ формѣ 19-ой и — — — въ 20-ой), а вторая представляетъ собою диспондей (— — — —), — разумѣется, восходящій. Но если здѣсь въ самомъ дѣлѣ ямбы, мы наталкиваемся на противорѣчіе тому правилу, что за 2-временной долготою съ главнымъ ритмическимъ удареніемъ, если она не находится передъ паузой, должна слѣдовать краткость. Однако при ближайшемъ разсмотрѣніи примѣровъ этихъ формъ нетрудно замѣтить одну черту, которая показываетъ, что дѣло должно быть объясняемо иначе; а именно: во всѣхъ случаяхъ этого рода 5-ый слогъ совпадаетъ съ концемъ слова, что при обязательной краткости 2-го слога заставляетъ предполагать въ началѣ полустипіи такъ часто встрѣчавшійся намъ кретикъ (— — —) съ односложнымъ и, конечно, безразличнымъ приступомъ впереди и съ паузой позади, напр. въ Багавадгитѣ:

$\overline{\text{tataḥ}}$ $\overline{\text{svādarma}}\text{m}$ $\overline{\text{kirtim}}$ $\overline{\text{ca}}$ $\overline{\text{hitvā}}$ $\overline{\text{pāpa}}\text{m}$ $\overline{\text{avāp}}\text{syasi}$ (II, 33_b).

$\overline{\text{bavanti}}$ $\overline{\text{bāvā}}$ \wedge $\overline{\text{būtānā}}\text{m}$ $\overline{\text{māta}}$ $\overline{\text{eva}}$ $\overline{\text{pṛtagvidā}}\text{ḥ}$ (X, 5_b).

$\overline{\text{etā}}\text{m}$ $\overline{\text{vibūti}}\text{m}$ \wedge $\overline{\text{yoga}}\text{m}$ $\overline{\text{ca}}$ $\overline{\text{mama}}$ $\overline{\text{yo}}$ $\overline{\text{vetti}}$ $\overline{\text{tattvataḥ}}$ (X, 7_a).

$\overline{\text{adyātma}}\text{vidyā}$ \wedge $\overline{\text{vidyānā}}\text{m}$, \wedge $\overline{\text{vādāḥ}}$ $\overline{\text{pravādatā}}\text{m}$ $\overline{\text{aha}}\text{m}$ (X, 32_b).

$\overline{\text{madbaktā}}$, $\overline{\text{etad}}$ \wedge $\overline{\text{vijñā}}\text{yā}$, \wedge $\overline{\text{madbāvāyoparadyate}}$ (XIII, 18_b).

7) Мнѣ извѣстно не болѣе 5 примѣровъ этой формы, изъ которыхъ 2 въ Налѣ, — одинъ XXIV, 20_b:

$\text{duḥkasyāntena ca tena}$ $\text{ḥavitavyaṃ hi nau, ṣuḥe}$,
другой увидимъ ниже.

именно въ очень рѣдкой формѣ перваго полустипшя $\cup\cup-\cup-\cup-\equiv$, напр. Sâv. II, 31a:

$\cup\cup-\cup-\cup-\equiv$ $\cup\cup-\cup-\cup-\equiv$ $\cup\cup-\cup-\cup-\equiv$ $\cup\cup-\cup-\cup-\equiv$ $\cup\cup-\cup-\cup-\equiv$ $\cup\cup-\cup-\cup-\equiv$ $\cup\cup-\cup-\cup-\equiv$ $\cup\cup-\cup-\cup-\equiv$
avicâlyam etad uktam tatyam ca bavatâ vacah,

и въ Рамаянѣ Уайñadattaba'daḥ 84a:

$\cup\cup-\cup-\cup-\equiv$ $\cup\cup-\cup-\cup-\equiv$ $\cup\cup-\cup-\cup-\equiv$ $\cup\cup-\cup-\cup-\equiv$ $\cup\cup-\cup-\cup-\equiv$ $\cup\cup-\cup-\cup-\equiv$ $\cup\cup-\cup-\cup-\equiv$ $\cup\cup-\cup-\cup-\equiv$
gṛhamedînaç ca lokân sadârabrahmacârîṇaḥ,

Совершенно въ той-же обстановкѣ дактиль 'Bagav. XI, 1a:

$\cup\cup-\cup-\cup-\equiv$ $\cup\cup-\cup-\cup-\equiv$ $\cup\cup-\cup-\cup-\equiv$ $\cup\cup-\cup-\cup-\equiv$ $\cup\cup-\cup-\cup-\equiv$ $\cup\cup-\cup-\cup-\equiv$ $\cup\cup-\cup-\cup-\equiv$ $\cup\cup-\cup-\cup-\equiv$
mâdanugrahâya paraṁ guhyam adyâtmasaññitâṁ

и если не вѣрнѣе ритмизація на стр. 23 анапестъ Pancat. III, 3, 4a:

$\cup\cup-\cup-\cup-\equiv$ $\cup\cup-\cup-\cup-\equiv$ $\cup\cup-\cup-\cup-\equiv$ $\cup\cup-\cup-\cup-\equiv$ $\cup\cup-\cup-\cup-\equiv$ $\cup\cup-\cup-\cup-\equiv$ $\cup\cup-\cup-\cup-\equiv$ $\cup\cup-\cup-\cup-\equiv$
bahubuddhisamupetâḥ, suvijñânâ, balotkatân,

Впрочемъ мыслимо и другое возраженіе—указаніе на неравномѣрность отдѣловъ полустипшя при столкновеніи двухъ удареній, противорѣчащее тому, что наблюдается въ тѣхъ 24 формахъ шлока, въ которыхъ происходитъ такое столкновеніе. На это возраженіе можно отвѣтить еще одной, также рѣдкой формой, $\cup\cup-\cup-\cup-\equiv$, напр. въ законахъ Ману VI, 31a:

$\cup\cup-\cup-\cup-\equiv$ $\cup\cup-\cup-\cup-\equiv$ $\cup\cup-\cup-\cup-\equiv$ $\cup\cup-\cup-\cup-\equiv$ $\cup\cup-\cup-\cup-\equiv$ $\cup\cup-\cup-\cup-\equiv$ $\cup\cup-\cup-\cup-\equiv$ $\cup\cup-\cup-\cup-\equiv$
aparâjitâṁ vâstâya vrajed diçam ajihmagah,

Ka'tâsar., Vidûçakah 277a:

$\cup\cup-\cup-\cup-\equiv$ $\cup\cup-\cup-\cup-\equiv$ $\cup\cup-\cup-\cup-\equiv$ $\cup\cup-\cup-\cup-\equiv$ $\cup\cup-\cup-\cup-\equiv$ $\cup\cup-\cup-\cup-\equiv$ $\cup\cup-\cup-\cup-\equiv$ $\cup\cup-\cup-\cup-\equiv$
sa tayâ samam tatrâsid râtriḥ kâçcid Vidûçakah,

гдѣ первая краткость анапеста лишена всякаго ударенія, очевидно, потому, что за анапестомъ слѣдуетъ здѣсь не анапестъ, какъ въ формѣ 10-ой, а ямбъ. Значеніе этой разницы для ритма выяснится изъ послѣдующаго.

И такъ разсмотрѣніе второй категоріи формъ шлока показало окончательно, что кретикъ въ немъ, какъ и дактиль и дактилическій анапестъ, равняется по длительности трибрахию (сравни 19—24 съ 1—6). Особенно близокъ онъ къ дактилическому анапесту, такъ какъ трибрахій и дактиль могутъ быть носителями главнаго ударенія (послѣ 2-сложнаго приступа), а кретикъ и дактилическій анапестъ всегда имѣютъ лишь второстепенное удареніе. Причина этого явленія въ анапестѣ съ удареніемъ не на долготѣ, а на первой краткости, болѣе или менѣе понятна,—по крайней мѣрѣ, при ускоренномъ темпѣ, съ какимъ онъ исполнялся въ качествѣ половины такта $\frac{6}{8}$: конечная долгота, хотя бы и неполная, перетягивая удареніе на себя, ослабляетъ его на начальной краткости; но что мѣшало кретикѣ даже въ видѣ $\frac{6}{8} + \frac{3}{8} + \frac{6}{8}$ (по отношенію къ цѣлой нормальной морѣ) выступать и съ главнымъ удареніемъ на первомъ слогѣ? Объяснить это можно лишь такъ, что взаимное отношеніе частей этого кретика было неправильно, а именно первая долгота его была короче другой, т. е. распределеніе величинъ

въ немъ приближалось къ $\frac{6}{5} + \frac{6}{5} + \frac{7}{5}$. Если такъ, почти тождественны въ ритмическомъ отношеніи первыя полустишія шлока *Nal. XXIV, 13*:

$\overline{s\grave{a}k\check{s}\grave{a}d} \overline{d\acute{e}v\grave{a}n} \wedge \overline{a\grave{p}a\check{h}\grave{a}y\grave{a}}, \overline{v\check{r}t\grave{o}} \overline{y\grave{a}h} \overline{s\grave{a}} \overline{m\grave{a}y\grave{a}} \overline{p\check{u}r\grave{a}},$
 $\overline{a\check{n}u\check{v}r\grave{a}t\grave{a}m}, \wedge \overline{s\grave{a}b\check{i}k\grave{a}m\grave{a}m}, \wedge \overline{p\check{u}t\check{r}\check{i}n\check{i}m} \overline{t\check{y}a\check{k}t\check{a}v\grave{a}n} \overline{k\grave{a}t\check{a}m}?$

Отсюда, по видимому, слѣдуетъ, что и трохей, какъ часть кретики, когда подобно ему составляетъ приступъ, долженъ быть произносимъ иррационально или во всякомъ случаѣ ускоренно, близко къ $\frac{4}{3} + \frac{2}{3}$, да едва-ли полонъ и ямбъ въ этомъ положеніи. Нѣкоторые факты, говорящіе въ пользу этого предположенія, можно найти въ стихосложеніи Ведъ. По такому именно расчету приступа второго полустишія размѣчены выше паузы въ цезурѣ.

Едва-ли найдутся въ шлокѣ еще какія-нибудь стопы, а съ ними и формы полустишіей, допускающія ритмическое опредѣленіе (а не поддающіеся такому опредѣленію примѣры, по всѣмъ вѣроятностямъ, основаны на порчѣ текста). Такъ, помимо уже указанныхъ случаевъ, попадаются изрѣдка стихи, которыхъ первое полустишіе состоитъ изъ однихъ долготъ или изъ 7 долготъ съ 1 краткостью, но не на 5-омъ мѣстѣ, какъ въ формѣ 4-ой, и не на 3-емъ, какъ въ 20-ой, а на первомъ или на послѣднемъ, гдѣ количество слога безразлично для ритма, напр. *Viçvam. XIV, 56*:

$\overline{m\grave{a}} \overline{b\grave{a}i\check{s}\check{i}}, \overline{R\grave{a}m\check{b}\check{e}}, \overline{b\grave{a}d\check{r}\check{a}m} \overline{te}: \overline{k\check{u}r\check{u}ṣ\check{v}\check{a}} \overline{m\grave{a}m\grave{a}} \overline{\check{c}\check{a}ṣ\check{a}n\check{a}m},$

Ad'yātmarāgāmāyaṇam, Rāmarāṇigrahaṇam 56ḅ:

$\overline{S\check{u}t\grave{a}p\grave{a}n\check{i}g\check{r}\check{a}h\check{a}r\check{t}\check{a}y\grave{a}} \overline{s\check{a}r\check{v}\check{e}\check{s}\check{a}m} \overline{m\grave{a}n\check{a}n\check{a}\check{c}\check{a}n\check{a}m}.$

Такія неритмическія скопленія долготъ тѣмъ болѣе странны, что легко было избѣжать ихъ, напр. во второмъ примѣрѣ вмѣсто *grāhār'tāya* стоило бы только употребить *grahaṇār'tam* или *grahaṇār'te* (видъ 14-й). Въ первомъ примѣрѣ, можетъ быть, скрывается какое-нибудь неизвѣстное переписчику грамматическое образованіе — повелительное 'behi, какъ *dehi*, 'dehi, или звательный *Ram'ba*, какъ *amba* ср. слав. водо, греч. *vúμφα*, *полѣта* (лезб. 'Афрѳѳита). Правда, зват. *Ram'be* встрѣчается въ этой главѣ еще 4 раза, но изъ нихъ три въ концѣ полустишія, одинъ (13ḅ) — передъ двойной согласной:

$\overline{u\check{d}\check{d}\check{a}r\check{i}\check{s}\check{y}\check{a}t\check{i}}, \overline{R\check{a}m\check{b}\check{e}}, \overline{t\check{v}\check{a}ṇ} \wedge \overline{m\check{a}t\check{k}r\check{o}\check{d}\check{a}k\check{a}l\check{u}\check{s}\check{i}k\check{r}\check{t}\check{a}m},$

т. е. вездѣ такъ, что ритмъ не доказываетъ ни долготы, ни краткости конечнаго слога.

Но было бы ошибочно отнести къ этому ряряду погрѣшностей *Nitop. II, 2*:

avyâpâreṣu vyâpâgam yo naraḥ kartum icc'ati,

хотя съ перваго взгляда всѣ слоги перваго полустишія кажутся долгими. На самомъ-же дѣлѣ, если 5-й слогъ перваго полустишія приходится въ концѣ слова и вмѣстѣ съ тѣмъ въ концѣ перваго ритмическаго отдѣла, который въ этомъ случаѣ всегда совпадаетъ съ концемъ первой половины

такта, то слѣдующее за нимъ сочетаніе согласной съ плавной или полугласной не удлиняетъ его, напр. Nal. XXVI, 8_a:

$\overset{\cup}{n} \overset{-}{a} \overset{\cup}{c} \overset{-}{e} \overset{\cup}{d} \overset{\cup}{v} \overset{\cup}{a} \overset{\cup}{n} \overset{\cup}{c} \overset{\cup}{a} \overset{\cup}{s} \overset{\cup}{i} \overset{\cup}{t} \overset{\cup}{v} \overset{\cup}{a} \overset{\cup}{m} \overset{\cup}{d} \overset{\cup}{y} \overset{\cup}{u} \overset{\cup}{t} \overset{\cup}{a} \overset{\cup}{m}, \wedge \overset{-}{y} \overset{\cup}{u} \overset{\cup}{d} \overset{\cup}{d} \overset{\cup}{a} \overset{\cup}{d} \overset{\cup}{y} \overset{\cup}{u} \overset{\cup}{t} \overset{\cup}{a} \overset{\cup}{m} \overset{\cup}{p} \overset{\cup}{r} \overset{\cup}{a} \overset{\cup}{v} \overset{\cup}{a} \overset{\cup}{r} \overset{\cup}{t} \overset{\cup}{a} \overset{\cup}{t} \overset{\cup}{a} \overset{\cup}{m},$

Viçvam. V 3₆:

$\overset{\cup}{r} \overset{\cup}{o} \overset{\cup}{m} \overset{\cup}{a} \overset{\cup}{k} \overset{\cup}{u} \overset{\cup}{p} \overset{\cup}{e} \overset{\cup}{s} \overset{\cup}{u} \overset{\cup}{m} \overset{\cup}{l} \overset{\cup}{e} \overset{\cup}{c} \overset{\cup}{c} \overset{\cup}{a} \overset{\cup}{c} \overset{\cup}{a} \wedge \overset{\cup}{h} \overset{\cup}{a} \overset{\cup}{r} \overset{\cup}{i} \overset{\cup}{t} \overset{\cup}{a} \overset{\cup}{h} \overset{\cup}{s} \overset{\cup}{a} \overset{\cup}{k} \overset{\cup}{i} \overset{\cup}{r} \overset{\cup}{a} \overset{\cup}{t} \overset{\cup}{a} \overset{\cup}{k} \overset{\cup}{a} \overset{\cup}{h},$

VI 14₆:

$\overset{\cup}{t} \overset{\cup}{e} \overset{\cup}{s} \overset{\cup}{u} \overset{\cup}{c} \overset{\cup}{a} \overset{\cup}{n} \overset{\cup}{t} \overset{\cup}{e} \overset{\cup}{s} \overset{\cup}{u} \overset{\cup}{b} \overset{\cup}{r} \overset{\cup}{a} \overset{\cup}{h} \overset{\cup}{m} \overset{\cup}{a} \overset{\cup}{s} \overset{\cup}{t} \overset{\cup}{r} \overset{\cup}{a} \overset{\cup}{m} \wedge \overset{\cup}{k} \overset{\cup}{s} \overset{\cup}{i} \overset{\cup}{p} \overset{\cup}{t} \overset{\cup}{a} \overset{\cup}{v} \overset{\cup}{a} \overset{\cup}{n} \overset{\cup}{g} \overset{\cup}{a} \overset{\cup}{d} \overset{\cup}{i} \overset{\cup}{n} \overset{\cup}{a} \overset{\cup}{n} \overset{\cup}{a} \overset{\cup}{n} \overset{\cup}{a} \overset{\cup}{h},$

XIV 11₆:

$\overset{\cup}{v} \overset{\cup}{i} \overset{\cup}{n} \overset{\cup}{a} \overset{\cup}{c} \overset{\cup}{a} \overset{\cup}{y} \overset{\cup}{a} \overset{\cup}{t} \overset{\cup}{i} \overset{\cup}{t} \overset{\cup}{r} \overset{\cup}{a} \overset{\cup}{i} \overset{\cup}{l} \overset{\cup}{o} \overset{\cup}{k} \overset{\cup}{y} \overset{\cup}{a} \overset{\cup}{m} \wedge \overset{\cup}{t} \overset{\cup}{a} \overset{\cup}{p} \overset{\cup}{a} \overset{\cup}{s} \overset{\cup}{a} \overset{\cup}{s} \overset{\cup}{a} \overset{\cup}{c} \overset{\cup}{a} \overset{\cup}{r} \overset{\cup}{a} \overset{\cup}{c} \overset{\cup}{a} \overset{\cup}{r} \overset{\cup}{a} \overset{\cup}{m},$

тамъ-же 14_a:

$\overset{\cup}{s} \overset{\cup}{a} \overset{\cup}{m} \overset{\cup}{m} \overset{\cup}{u} \overset{\cup}{d} \overset{\cup}{a} \overset{\cup}{m} \overset{\cup}{i} \overset{\cup}{v} \overset{\cup}{a} \overset{\cup}{t} \overset{\cup}{r} \overset{\cup}{a} \overset{\cup}{i} \overset{\cup}{l} \overset{\cup}{o} \overset{\cup}{k} \overset{\cup}{y} \overset{\cup}{a} \overset{\cup}{m} \wedge \overset{\cup}{s} \overset{\cup}{a} \overset{\cup}{m} \overset{\cup}{p} \overset{\cup}{r} \overset{\cup}{a} \overset{\cup}{k} \overset{\cup}{s} \overset{\cup}{u} \overset{\cup}{b} \overset{\cup}{i} \overset{\cup}{t} \overset{\cup}{a} \overset{\cup}{m} \overset{\cup}{a} \overset{\cup}{n} \overset{\cup}{a} \overset{\cup}{s} \overset{\cup}{a} \overset{\cup}{m}.$

Безъ допущенія этой вольности мы должны были бы признать всѣ шесть примѣровъ неправильными, потому что иначе въ первомъ оказался бы кретикъ подъ главнымъ удареніемъ, во второмъ и третьемъ — главное удареніе на простой долготѣ передъ долгою, въ прочихъ — дактилическій анапестъ подъ главнымъ удареніемъ. Такимъ образомъ стихъ Nitop. II 2 относится къ 4-ой формѣ. Но едва-ли допустимо то, что, по видимому, читается въ рукописяхъ Sâv. I 29_a (28₆ Кос.):

$\overset{-}{p} \overset{\cup}{u} \overset{\cup}{t} \overset{\cup}{r} \overset{\cup}{i}, \overset{\cup}{p} \overset{\cup}{r} \overset{\cup}{a} \overset{\cup}{d} \overset{\cup}{a} \overset{\cup}{n} \overset{\cup}{a} \overset{\cup}{k} \overset{\cup}{a} \overset{\cup}{l} \overset{\cup}{a} \overset{\cup}{s} \overset{\cup}{t} \overset{\cup}{e} \wedge \overset{\cup}{n} \overset{\cup}{a} \overset{\cup}{c} \overset{\cup}{a} \overset{\cup}{k} \overset{\cup}{a} \overset{\cup}{c} \overset{\cup}{i} \overset{\cup}{d} \overset{\cup}{v} \overset{\cup}{r} \overset{\cup}{j} \overset{\cup}{o} \overset{\cup}{t} \overset{\cup}{i} \overset{\cup}{t} \overset{\cup}{v} \overset{\cup}{a} \overset{\cup}{m},$

гдѣ положеніе нарушено внѣ обычныхъ условій. Потому издатели предпочитаютъ здѣсь mām. Помимо сочетаній согласной съ плавной или съ полугласной можно, кажется, ожидать нарушенія долготы по положенію также передъ ś, которое вообще принимается за двойную согласную. По крайней мѣрѣ, въ Багавадгитѣ XV 3 находится слѣдующій триштубъ:

$\overset{-}{a} \overset{\cup}{c} \overset{\cup}{v} \overset{\cup}{a} \overset{\cup}{t} \overset{\cup}{t} \overset{\cup}{a} \overset{\cup}{m} \overset{\cup}{e} \overset{\cup}{n} \overset{\cup}{a} \overset{\cup}{m} \overset{\cup}{s} \overset{\cup}{u} \overset{\cup}{v} \overset{\cup}{i} \overset{\cup}{r} \overset{\cup}{u} \overset{\cup}{d} \overset{\cup}{a} \overset{\cup}{m} \overset{\cup}{u} \overset{\cup}{l} \overset{\cup}{a} \overset{\cup}{m} \wedge \overset{\cup}{a} \overset{\cup}{s} \overset{\cup}{a} \overset{\cup}{n} \overset{\cup}{g} \overset{\cup}{a} \overset{\cup}{c} \overset{\cup}{a} \overset{\cup}{s} \overset{\cup}{t} \overset{\cup}{r} \overset{\cup}{e} \overset{\cup}{n} \overset{\cup}{a} \overset{\cup}{d} \overset{\cup}{r} \overset{\cup}{ḍ} \overset{\cup}{e} \overset{\cup}{n} \overset{\cup}{u} \overset{\cup}{c} \overset{\cup}{i} \overset{\cup}{t} \overset{\cup}{t} \overset{\cup}{v} \overset{\cup}{a}.$

Что касается необязательности положенія при согласной съ r, то о ней говорятъ и нѣкоторые индѣйскіе метрики, ограничивая однако эту вольность концемъ полустішия, что они подтверждаютъ примѣрами изъ размѣра ârūâ (Weber, Indische Studien VIII S. 224—226).

Едва-ли можно допустить, по крайней мѣрѣ, для классической эпохи какую бы то ни было форму шлока съ ямбомъ въ концѣ перваго полустішия. Однако такіе стихи встрѣчаются, хоть и очень рѣдко, уже въ эпосѣ, напр. Nal. III 3₆:

$\overset{\cup}{a} \overset{\cup}{k} \overset{\cup}{s} \overset{\cup}{i} \overset{\cup}{p} \overset{\cup}{a} \overset{\cup}{n} \overset{\cup}{t} \overset{\cup}{i} \overset{\cup}{m} \overset{\cup}{i} \overset{\cup}{v} \overset{\cup}{a} \overset{\cup}{p} \overset{\cup}{r} \overset{\cup}{a} \overset{\cup}{b} \overset{\cup}{a} \overset{\cup}{m} \wedge \overset{\cup}{c} \overset{\cup}{a} \overset{\cup}{c} \overset{\cup}{i} \overset{\cup}{n} \overset{\cup}{a} \overset{\cup}{h} \overset{\cup}{s} \overset{\cup}{v} \overset{\cup}{e} \overset{\cup}{n} \overset{\cup}{a} \overset{\cup}{t} \overset{\cup}{e} \overset{\cup}{j} \overset{\cup}{a} \overset{\cup}{s} \overset{\cup}{a},$

XII 77₆:

$\overset{\cup}{N} \overset{\cup}{a} \overset{\cup}{l} \overset{\cup}{a} \overset{\cup}{m} \overset{\cup}{n} \overset{\cup}{a} \overset{\cup}{m} \overset{\cup}{a} \overset{\cup}{r} \overset{\cup}{i} \overset{\cup}{m} \overset{\cup}{a} \overset{\cup}{r} \overset{\cup}{d} \overset{\cup}{a} \overset{\cup}{n} \overset{\cup}{a} \overset{\cup}{m}, \wedge \overset{\cup}{D} \overset{\cup}{a} \overset{\cup}{m} \overset{\cup}{a} \overset{\cup}{y} \overset{\cup}{a} \overset{\cup}{n} \overset{\cup}{t} \overset{\cup}{y} \overset{\cup}{a} \overset{\cup}{h} \overset{\cup}{p} \overset{\cup}{r} \overset{\cup}{i} \overset{\cup}{y} \overset{\cup}{a} \overset{\cup}{m} \overset{\cup}{p} \overset{\cup}{a} \overset{\cup}{t} \overset{\cup}{i} \overset{\cup}{m},$

Yajñad. 51_б:

$\overline{\text{ḱṛtāñjalis}} \text{ tam } \overline{\text{ābruvaṃ}} \quad \overline{\text{bayagadgadayā girā}},$

Skandotpattiḥ 33_e (въ шлокѣ изъ 3 стиховъ):

$\overline{\text{juhuvus te mahātmano}} \quad \overline{\text{havyaṃ sarvadivaukasāṃ}},$

37_a:

$\overline{\text{saptānām apī sâ tadâ}} \parallel \overline{\text{devarṣinām mahātmanām}}.$

Особенно странно Matsyopākyaṇam 44_б:

$\overline{\text{adr̥ṣyantâ saptarṣayo}}, \parallel \overline{\text{Manur, matsyas tâtâiva hâ}},$

гдѣ первое полустишіе не представляетъ никакого ритма. Помимо эпоса напр. въ R̥ganukramaṇī III 3 (Weber l. l. S. 137):

$\overline{\text{ḱṛtir, prakṛtir, āḱṛtir}}, \quad \overline{\text{vikṛtiḥ, saṃskṛtis tatâ}},$
 $\overline{\text{ṣaṣṭi cābikṛtir nâma}}, \quad \overline{\text{saptamy utḱṛtir ucyate}}.$

Такъ какъ шлокъ есть лишь видоизмѣненіе ануштуба, а въ послѣднемъ большинство полустишіей оканчивается именно такъ, на ямбическую диподию, можно, казалось бы, предположить, что такое окончаніе полустишія въ шлокѣ представляетъ собою метрической архаизмъ; но въ такомъ случаѣ оно попадалось бы, вѣроятно, чаще, да и туземные метрики не отрицали бы его существованія. Уже въ Ведахъ первое полустишіе ануштуба обнаруживаетъ наклонность къ отличенію отъ второго, почему иногда трудно различить эту строфу отъ шлока, какъ напр. въ 23-емъ гимнѣ Ригведы:

$\overline{\text{idam apāḥ}} \quad \overline{\text{pravahatâ}} \quad \overline{\text{yat kiṃ ca duritam mayi}},$
 $\overline{\text{yad vāham abidudroha}} \quad \overline{\text{yad vâ ṣepa utāṅṛtaṃ}}.$

По всеѣмъ этимъ причинамъ понятно, что двойной ямбъ въ концѣ перваго полустишія шлока возбуждаетъ подозрѣнія, и что напр. въ стихѣ изъ Нала III 3_б Гильдемейстеръ предлагалъ вмѣсто *pra'bâṃ* читать *vi'bâṃ* или *ṣi'bâṃ* (см. стр. 15 видъ 6-ой). Попытокъ къ исправленію XII 77_б, кажется, не было, но какъ-то странно, что авторъ или редакторъ Нала выбралъ для обозначенія побѣдителя враговъ какъ разъ *arimardanam*, а не *arijetâgam* или, пожалуй, другое синонимическое слово, которое дало бы привычный его слуху ритмъ. Yajñad. 51_б несомнѣнно искажено, иначе не было бы трехъ трохеевъ сряду. Оба примѣра изъ «Рожденія Сканды» подозрительны уже тѣмъ, что стоитъ только переставить слова (*mahātmano te juhuvus, sâ saptānām apī tadâ*), — и получатся виды 7-ой и 4-ый. Этотъ способъ исправленія можно примѣнить и къ стиху изъ «Повѣствованія о рыбѣ», но здѣсь перестановка сложнѣе:

$\overline{\text{saptarṣayo, Manur, matsya}} \quad \overline{\text{adr̥ṣyantâ tâtâiva hâ}}$ (форма 2-я).

Что касается примѣра изъ метрико-грамматическаго *Ṛganukramaṇi*, то автору некуда было помѣстить терминъ *âkṛtiḥ* помимо конца перваго полустишія, въ доказательство чего нами приведенъ весь шлокъ, содержаніе котораго состоитъ въ 7 названіяхъ строфъ. Впрочемъ шлокъ чѣмъ новѣе, тѣмъ свободнѣе или, что то-же, неправильнѣе. Позволительно было бы подозрѣніе, что нѣкоторыя уклоненія позднѣйшаго шлока отъ классическихъ образцовъ вызваны отчасти иноязычными влияніями; но для рѣдкихъ случаевъ двойного ямба передъ цезурой и это объясненіе, кажется, непригодно, такъ какъ и въ палійскихъ шлокахъ такое окончаніе перваго полустишія не допускается (см. Simon, *Der Çloka im Pali* въ *Zeitschrift der deutschen morgenländischen Gesellschaft* XLIV 87). Въ эпосѣ нѣкоторые изъ этихъ случаевъ произошли, быть можетъ, вслѣдствіе пропуска полустишіей. Если архетипъ былъ написанъ на узкихъ листахъ, стихи могли въ немъ быть разбиты на полустишія, по одному на строку, а при такомъ написаніи пропуски именно полустишіей вполне понятны. Не этимъ-ли объясняются довольно обыкновенныя и подчасъ очень некрасивыя повторенія полустишіей въ эпосѣ, преимущественно вторыхъ? Эти повторенія имѣютъ такой видъ, какъ будто редакторъ пользуется уже однажды написаннымъ полустишіемъ для заполнения пробѣла въ соотвѣтственной части другаго стиха. Возможно, что и *akṣipantîm iva pra'bâm* и *Nalam pâmatîmardanam* были нѣкогда вторыми полустишіями и попали въ первыя только при небрежномъ сводѣ полустишіей въ стихи. Мыслима порча и противоположнаго свойства — вставка полустишіей невнимательными къ стиху редакторами, но, конечно, также при распредѣленіи стиха на двѣ строки по полустишіямъ. Такое предположеніе кажется особенно вѣроятнымъ относительно перваго примѣра изъ «Рожденія Сканда»: этотъ стихъ представляетъ собою часть шлока, состоящаго не изъ двухъ, а изъ трехъ стиховъ, что встрѣчается чаще, нежели можно было бы ожидать, но далеко не вездѣ; такъ напр. въ Савитри есть нѣсколько такихъ тройныхъ шлоковъ, въ Налѣ и въ Багавадгитѣ ихъ почти нѣтъ — явный признакъ различія въ редакціи (первоначальной или позднѣйшей) по отдѣльнымъ эпизодамъ обѣихъ эпическихъ поэмъ. Для облегченія провѣрки предположенія о вставкахъ приведемъ весь шлокъ *Skandotp.* 33, заключивъ въ скобки тѣ полустишія, безъ которыхъ, кажется, можно обойтись:

$$\begin{array}{c} \overbrace{\text{Vaçiṣṭapramukā mukyā} \quad \text{viprendrāḥ} \quad \text{sumahābalāḥ}}^{\wedge} \\ \underbrace{\text{iṣṭim kṛtvā, yātā nyāyaṃ}}_{\bar{\wedge}} \quad [\text{susamidde hutāçame,}] \\ \text{jūhuvus te mahātmano} \quad [\text{havyaṃ sarvadvaukasāṃ}.] \end{array}$$

Особаго рода неправильность представляютъ шлоки, заключающіе въ себѣ по 4 и болѣе краткостей сряду. Во многихъ случаяхъ это явленіе сводится къ порчѣ текста, но очень часто ошибка этого рода оказывается призрачной, такъ какъ одинъ изъ краткихъ слоговъ приходится признать безразличнымъ, т. е. имѣющимъ значеніе долгаго вслѣдствіе выдерживае-

мой послѣ него паузы. Въ Ведахъ, судя по нѣкоторымъ признакамъ, такіе случаи весьма обыкновенны, но есть они и въ шлокѣ, хотя, по видимому, только позднѣйшемъ. Въ этомъ размѣрѣ въ эпоху, которую назовемъ, пожалуй, дидактической, считался иногда безразличнымъ послѣдній слогъ слова, несущій на себѣ первое главное удареніе, если за нимъ по требованію ритма слѣдовала задержка голоса, а также — можетъ быть, при какихъ-нибудь опредѣленныхъ условіяхъ — послѣдній слогъ перваго члена въ сложномъ словѣ. Вотъ примѣры. Ad'ya'tmarâm, Râmarâṇigrahaṇam 64_e (въ шлокѣ изъ 3 стиховъ):

$\overline{\text{pā}}\overline{\text{tivrā}}\overline{\text{tām}} \quad \overline{\text{upa}}\overline{\text{lāb}}\overline{\text{dā}} \quad \overline{\text{ti}}\overline{\text{ṣṭa}}, \quad \overline{\text{vat}}\overline{\text{se}}, \quad \overline{\text{yā}}\overline{\text{tā}}\overline{\text{suka}}\overline{\text{m}}$ (видь 13-ый).

Agnipurāṇam (Weber I. I. S. 286):

$\overline{\text{ca}}\overline{\text{tu}}\overline{\text{ṣṭa}}\overline{\text{tām}} \quad \overline{\text{ut}}\overline{\text{kṛ}}\overline{\text{ti}}\overline{\text{h}} \quad \overline{\text{syā}}\overline{\text{d}}, \quad \overline{\text{ut}}\overline{\text{kṛ}}\overline{\text{te}}\overline{\text{ṣ}} \quad \overline{\text{ca}}\overline{\text{tura}}\overline{\text{s}} \quad \overline{\text{tyā}}\overline{\text{je}}\overline{\text{t}}$ (видь 19-ый).

Pancatantram III, 3, 4a:

$\overline{\text{bā}}\overline{\text{hu}}\overline{\text{buddi}} \quad \overline{\text{—}} \quad \overline{\text{sa}}\overline{\text{mu}}\overline{\text{pe}}\overline{\text{tā}}\overline{\text{h}}, \quad \overline{\text{sū}}\overline{\text{vijñā}}\overline{\text{nā}}, \quad \overline{\text{bā}}\overline{\text{lot}}\overline{\text{kā}}\overline{\text{tā}}\overline{\text{n}}$ (видь 17-ый).

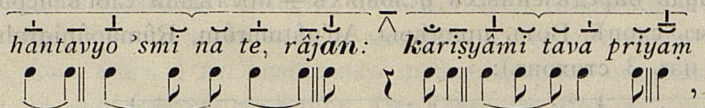
Вѣроятно, сюда-же относится Nidānasūtram VII 16 (Weber ib. S. 120):

$\overline{\text{pra}}\overline{\text{ṣṭi}}\overline{\text{ṣṭa}}\overline{\text{m}}, \quad \overline{\text{abi}}\overline{\text{ni}}\overline{\text{hi}}\overline{\text{ta}}\overline{\text{m}}, \quad \overline{\text{kṣi}}\overline{\text{pra}}\overline{\text{sā}}\overline{\text{ndi}}, \quad \overline{\text{upa}}\overline{\text{dra}}\overline{\text{ru}}\overline{\text{ta}}\overline{\text{m}},$

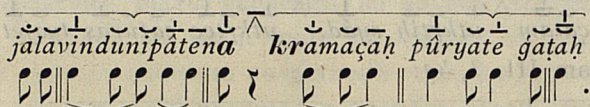
но что это за форма, если вѣрна данная здѣсь ритмизація? Схема стиха была бы правильна (видь 3-ий), подъ условіемъ протяженія или, точнѣе, растяженія (въ 3 времени) одного перваго слога въ предлогѣ a'bi, но едва-ли таково было намѣреніе грамматика-стихоплета, составившаго стихъ изъ названій разныхъ родовъ sam'di. Потому вѣрнѣе держаться перваго объясненія, допустивъ, что неповоротливость содержанія повлекла за собою необычную форму, въ которой остановка смысловая получаетъ силу ритмической паузы. Такъ слѣдуетъ понимать и долготу послѣдняго слога въ предлогѣ a'bi. Отнесеніе свойствъ самостоятельнаго слова къ основѣ, въ видѣ которой слово входитъ въ сложеніе, намъ уже знакомо изъ нѣсколькихъ примѣровъ — въ томъ числѣ изъ стиха Панчатантры, — а сейчасъ эта черта явится передъ нами въ еще болѣе яркомъ освѣщеніи при разсмотрѣніи нѣкоторыхъ особенностей цезуры, мало понятныхъ безъ предварительнаго изученія ритмики шлока.

Мы уже знаемъ, что одно полустишіе отдѣляется отъ другого обязательнымъ въ этомъ мѣстѣ концемъ слова, за которымъ большею частію слѣдуетъ пауза. Въ приведенныхъ выше примѣрахъ эта пауза обозначалась безо всякихъ оговорокъ, потому что длительность ея казалась не особенно важной при установленіи формъ шлока и ихъ ритмическихъ свойствъ. Теперь, обладая уже достаточнымъ матеріаломъ для обсужденія условій цезуры, постараемся вывести по возможности точныя понятія о паузѣ между полустишіями (а потому и стихами). Очевидно, что пауза не можетъ быть во всѣхъ случаяхъ одинаково продолжительна, такъ какъ зависитъ отъ предшествующихъ и послѣдующихъ составныхъ частей того такта, который она разсѣкаетъ. Послѣдній слогъ полустишія счи-

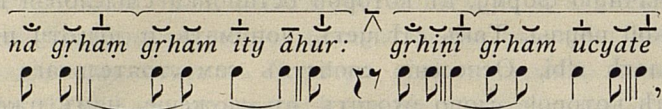
тается, правда, долгимъ, но вѣдь самъ по себѣ онъ можетъ быть и кратокъ. Таковъ онъ не только тогда, когда оканчивается на краткую гласную, а слѣдующее полустипіе начинается гласной или одной согласной, или когда въ немъ за краткой гласной слѣдуетъ согласная при гласномъ началѣ слѣдующаго полустипія: кратокъ оставался онъ, конечно, и при томъ условіи, если за нимъ слѣдовала хоть какая-нибудь пауза, напр.:

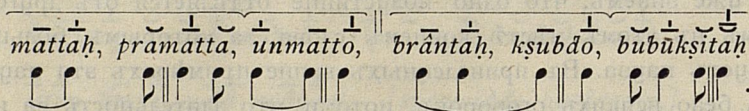
(если ямбу въ приступѣ мы придадимъ нормальную длительность, что, какъ мы видѣли, едва-ли было бы вѣрно) или:

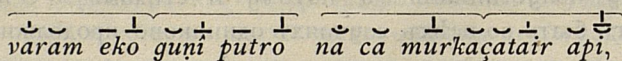
Такъ какъ послѣдній слогъ перваго полустипія бываетъ самъ по себѣ то кратокъ, то дологъ, т. е. заключаетъ въ себѣ то 1 время, то 2, а приступъ втораго полустипія колеблется между 2 и 4 временами, пауза между полустипіями, какъ и между стихами, простирается отъ 3 временъ до нуля или, по крайней мѣрѣ, до ирраціональной краткости, болѣе сознаваемой, чѣмъ выдерживаемой. Хотя конецъ послѣдняго слова перваго полустипія, если вѣрить правописанію, всегда (кромѣ случаевъ зіянія) подвергается обязательному въ связной рѣчи вліянію начальнаго звука слѣдующаго слова (*saṁ'di*), однако-же очевидно, что при паузѣ это явленіе существуетъ только для глаза, какъ напр. въ такомъ стихѣ:

гдѣ звукъ г передъ цезурой обусловленъ слѣдующимъ за нимъ g, тогда какъ на самомъ дѣлѣ слѣдуетъ за нимъ пауза, а передъ паузой это слово должно звучать *âhuḥ*. Такимъ образомъ *saṁ'di* можетъ имѣть физиологическое основаніе только при отсутствіи паузы, напр. въ стихѣ:

На опредѣленіе продолжительности паузы въ цезурѣ *saṁ'di* не вліяетъ за исключеніемъ одного окончанія *as* (передъ паузой — *ah*, передъ звонкой согласной — *o*), напр.:

гдѣ паузу приходится положить въ 2 времени, а при формѣ *putrah*—въ 3.

Такъ какъ въ концѣ слова при *saṃ'dī* большею частію оказывается или долгая гласная или длительная согласная (*s, ś, ç, r, n, m*), то въ виду постоянного соблюденія *saṃ'dī* въ цезурѣ на письмѣ можно предположить, что въ извѣстную эпоху, — въ которую, можетъ быть, возникъ и бессмысленный въ метрическомъ отношеніи текстъ *saṃhitâ* Ведь, — утвердился обычай чтенія шлока съ растяженіемъ вмѣсто остановки въ цезурѣ, т. е. такъ, что напр. въ только-что приведенныхъ стихахъ слова *âhug* и *putro* произносились съ нѣкоторымъ удлинненіемъ звуковъ *r* и *o*, но, конечно, не въ 4 и не въ 3 времени, какъ бы слѣдовало для полноты ритма, а приблизительно на одно, потому что для такого расчета необходимо ясное представленіе о ритмическомъ строѣ шлока, тогда уже утраченное. Аналогію къ такому пополненію недостающаго словеснаго матеріала въ цезурѣ мы находимъ въ греко-латинскомъ элегическомъ стихѣ, или такъ называемомъ пентаметрѣ, а на самомъ дѣлѣ дактилическомъ ($\frac{2}{4}$) гексаметрѣ съ паузами въ 2 времени на мѣстѣ слабыхъ частей 3-яго и 6-го тактовъ. Судя по тому, что въ цезурѣ этого стиха воспрещались какъ зіяніе, такъ и протяженіе краткости (т. е. безразличный слогъ), но допускались усѣченіе гласной передъ гласной и сліяніе гласныхъ, принадлежащихъ двумъ разнымъ полустишіямъ, срединная пауза его заполнялась, — по крайней мѣрѣ, въ теоріи — растяженіемъ конечнаго слога перваго полустишія, хотя трудно себѣ представить, какъ примѣнялся этотъ способъ къ слогамъ со мгновенной согласной послѣ краткой гласной. Въ шлокѣ вслѣдствіе безразличія послѣдняго слога двустишія препятствія къ растяженію встрѣчались еще чаще. Какъ бы то ни было, въ помѣщенныхъ выше примѣрахъ при измѣреніи паузъ принята въ расчетъ *saṃ'dī* во избѣжаніе противорѣчій съ правописаніемъ.

Что потребность въ цезурѣ ослабѣвала по мѣрѣ притупленія чутья къ ритму шлока, доказывается тѣмъ, что въ этомъ мѣстѣ появляется мало по малу *saṃ'dī* уже не для глаза, введенная не авторами, а переписчиками и редакторами, но такая, которая, очевидно, исходитъ отъ самихъ стихотворцевъ, принимающихъ ее во вниманіе при счетѣ слоговъ, т. е. превращеніе *i* и *u* въ *y* и *v* и усѣченіе перваго *a* послѣдующаго слова послѣ конечнаго *o* въ предъидущемъ, напр. *Hitop. I, 2, 16*:

$\frac{\downarrow}{\text{ya}} \frac{\downarrow}{\text{trâsti}} \frac{\downarrow}{\text{vi}} \frac{\downarrow}{\text{ṣa}} \frac{\downarrow}{\text{sa}} \frac{\downarrow}{\text{ṃs}} \frac{\downarrow}{\text{ar}} \frac{\downarrow}{\text{go}}, \quad \overline{\text{mṛ}} \frac{\downarrow}{\text{ta}} \frac{\downarrow}{\text{m}} \frac{\downarrow}{\text{ta}} \frac{\downarrow}{\text{d}} \frac{\downarrow}{\text{a}} \frac{\downarrow}{\text{pī}} \frac{\downarrow}{\text{mṛ}} \frac{\downarrow}{\text{tyave}},$

гдѣ писатель болѣе древній предпочелъ бы, вѣроятно,

$\frac{\downarrow}{\text{ya}} \frac{\downarrow}{\text{trâsti}} \frac{\downarrow}{\text{vi}} \frac{\downarrow}{\text{ṣa}} \frac{\downarrow}{\text{sa}} \frac{\downarrow}{\text{ṃs}} \frac{\downarrow}{\text{ar}} \frac{\downarrow}{\text{gaḥ}}, \quad \overline{\text{amṛ}} \frac{\downarrow}{\text{ta}} \frac{\downarrow}{\text{m}} \frac{\downarrow}{\text{ta}} \frac{\downarrow}{\text{tatra}} \frac{\downarrow}{\text{mṛ}} \frac{\downarrow}{\text{tyave}}^9).$

Впрочемъ *saṃ'dī*, влияющая на число слоговъ, попадаетъ рѣдко.

Съ самостоятельностью полустишія шлока находится, на нашъ взглядъ,

⁹⁾ Да и при *mṛtam* не лучше-ли было бы *tatrâpī*?

въ вопіющемъ противорѣчій цезура послѣ слова не въ отдѣльности, а въ видѣ члена сложенія, напр. *Nal.* XII 3:

$\overline{\text{jāmbv-ānralodra-kādīra}} - \overline{\text{çāla-vetra-samākulaṃ}}$,
 $\overline{\text{pādma-kāmalaka-plākṣa}} - \overline{\text{kadāmbō-ḍumbarāvṛtaṃ}}$,

что значить: «наполненный плетеницами» такихъ-то и такихъ-то ползучихъ растений (5 названій) и «покрытый» такими-то и такими-то цвѣтами (также 5 названій) — два эпитета лѣса. Во второмъ изъ этихъ стиховъ пауза должна равняться 1 времени, что еще можно допустить, но въ первомъ она простирается, по видимому, до 3 временъ: можно-ли промолчать такъ долго безъ нарушенія единства слова? А здѣсь возможна именно только пауза, а не растяженіе. Примѣры такого пренебреженія цезурой, а съ ней вмѣстѣ — и равенствомъ тактовъ, встрѣчаются тѣмъ рѣже, чѣмъ древнѣе памятникъ, однако ихъ можно найти въ Магабаратѣ и въ Рамаанѣ. Нѣсколько такихъ случаевъ перечислено Бѣтлингомъ на стр. 444 его хрестоматіи, гдѣ замѣчено и то, что въ древнѣйшемъ эпосѣ подѣ цезуру попадаетъ обыкновенно *dvandvam*, т. е. сложеніе сочинительное, замѣняющее собою простое сопоставленіе самостоятельныхъ именъ въ одномъ и томъ-же падежѣ, напр. *Nal.* I 29:

$\overline{\text{vayam hi deva-gaṅḍarva}} - \overline{\text{mānuṣoraga-ṛakṣasān}}$
 мы и бо бого - гандарво - челоуѣко-змѣе-ракшасовѣ
drṣṭavanto
 видавшіе,

гдѣ каждое изъ пяти соединенныхъ существительныхъ можно было безъ важнаго измѣненія смысла поставить отдѣльно въ падежѣ послѣдняго изъ нихъ. Въ *Nal* стиховъ съ цезурой между членами сложенія содержится 9. Поучительно для исторіи этой метрической вольности распредѣленіе ихъ по частямъ эпизода. Онъ состоитъ изъ 983 двустишіи и раздѣленъ на 26 главъ. Изъ нихъ XII-я заключаетъ въ себѣ 132 двустишія, изъ прочихъ лишь XIII-ая доходитъ до 75, а въ каждой изъ остальныхъ число двустишіи составляетъ среднюю цифру 39 $\frac{3}{4}$. Такимъ образомъ XII-ая глава рѣзко выдѣляется своей длиной, почему возбуждаетъ подозрѣніе въ томъ, что въ позднѣйшую эпоху подверглась переработкѣ посредствомъ вставокъ. Несомнѣнно, что этихъ вставокъ слѣдуетъ искать между прочимъ въ длинныхъ описаніяхъ, которыя гораздо болѣе свойственны позднѣйшей индѣйской литературѣ, чѣмъ древней. Въ присутствіи вставокъ (а не пропусковъ, какъ видно изъ несоразмѣрной длины этой главы), убѣждаетъ насъ и нарушеніе грамматической связи между стихами одного и того-же двустишія, наблюдаемое въ главѣ XII-ой¹⁰⁾, какъ и въ сосѣдней съ ней

¹⁰⁾ 54 $\overline{\text{c}}$ —59 $\overline{\text{c}}$, гдѣ взаимная сопринадлежность каждой пары стиховъ возстановляется по удаленіи этихъ двухъ крайнихъ. Лишнихъ стиховъ въ *Nal* вообще немало; см. примѣчанія Боппа, гдѣ впрочемъ эти прибавки признаются таковыми почти только тогда, когда нарушается четное число стиховъ.

и вмѣстѣ съ тѣмъ второй послѣ нея по числу двустипий, XIII-ой. И вотъ изъ 9 случаевъ дѣленія сложнаго слова цезурой въ этой части Магабараты цѣлыхъ 8 приходится на XII-ую главу (2_a, 3_a, 4_a и 6, 5_b, 39_a, 40_a, 129_a), и притомъ всѣ кромѣ одного какъ разъ на описаніе лѣса, въ которомъ блуждаетъ Дамаянти. Сверхъ того 5 изъ этихъ сложныхъ находятся въ одномъ *yugalakam* (т. е. группѣ шлоковъ, связанныхъ между собою грамматически), а въ древнѣйшую эпоху каждый шлокъ, какъ и всякое двустипіе, былъ въ грамматическомъ отношеніи вполне самостоятеленъ отъ другого, содержа въ себѣ особое главное предложеніе. И такъ мы имѣемъ, кажется, полное право признать всѣ эти *sesquipedalia verba* плодомъ изобрѣтательности позднѣйшихъ редакторовъ или диаскевастовъ, дѣйствовавшихъ въ тѣ времена, когда безконечныя сложныя слова были въ большомъ ходу. Въ древнѣйшую эпоху языка, а въ просторѣчьи, вѣроятно, всегда, сложныя, называемыя *dvandva*, состояли изъ двухъ, много—трехъ словъ, такъ какъ въ нихъ сложение не было простой замѣной союза *и*, а выражало связь, близкую къ той, которую мы обозначаемъ союзомъ *да* (по-латыни *que*) или предлогомъ *съ*. Таковы *dvandva* новогреческія¹¹⁾: *γυναικόπαϊδα* «женщины да дѣти» (или «съ дѣтьми»), *ἀστράπόβροντα* «молніи съ громомъ», *ψιμότυρο* «хлѣбъ съ сыромъ». Только тогда, когда, это настоящее значеніе сочинительныхъ сложныхъ забудется, входятъ въ употребленіе болѣе длинныя сочетанія, но и то путемъ искусственнымъ. Въ Ведахъ *dvandvam* обыкновенно неидетъ дальше двухъ членовъ; но и въ эпосѣ къ злоупотребленію этимъ грамматическимъ образованіемъ слѣдуетъ относиться осторожно, что можно видѣть хоть изъ *Nal.* XII 128_b—129:

manuṣyaṃ Nala-nāmānaṃ na paṣyāmi, yaçasvini;
 человекъ Нало-именнаго не вижу, славная;

kuñjara-dvīpi-mahiṣa - çārdūla-rkṣa-mṛgān api
 слонъ - барсо-буйволъ - тигро-медвѣде-сайгъ также

*paṣyāmy asmiṃ vane kṛtsne hy amanuṣyaniṣevite*¹²⁾
 вижу въ этомъ лѣсу все (ибо) не-человѣко-обитаемомъ.

Къ чему здѣсь *api*? Оно будетъ уместно только тогда, когда мы разорвемъ длинное сложное слово ровно пополамъ, поставивъ основу *mahiṣa-*

11) Въ новогреческихъ *dvandva* грамматическое число опредѣляется дѣйствительнымъ числомъ предметовъ, обозначаемыхъ каждымъ изъ членовъ сложения. Въ санскритѣ на томъ-же правилѣ основано употребленіе двойственнаго числа при сочинительномъ соединеніи названій двухъ единичныхъ предметовъ; въ прочихъ случаяхъ грамматическое число для *dvandva* есть множественное. Въ единственномъ числѣ употребляются по-санскритски только такъ называемыя *saṃāhāradvanda*, т. е. собирательныя, въ видѣ основы средняго рода на *-a* безъ отношенія къ числу каждаго изъ соединяемыхъ предметовъ, напр. *rāpi-rāda-m* «и руки и ноги»).

12) Частица *hy* (*hi*) завѣдомо вставлена въ послѣдствіи, именно для того, чтобы устранить зянiе въ цезурѣ, вполне законное въ древности, но позже казавшееся неправильностью.

въ вин. множ., какъ *mṛgân*, — *mahiṣân*, послѣ чего получится: «слоновъ да барсовъ да буйволовоу, также тигровъ да медвѣдей да сайгъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ исчезнутъ и всѣ ритмическія затрудненія. Замѣтимъ, что именно этотъ стихъ не относится къ числу тѣхъ, которые входятъ въ самое описаніе лѣса. Не менѣе легко исправить и I 29_a: стоитъ только написать *deva-gaṇ'darvân*, при чемъ въ одномъ полустипіи окажутся названія высшихъ существъ, въ другомъ — низшихъ (сравнительно съ первыми). Возстановленіе цезуры въ этихъ двухъ стихахъ, принадлежащихъ, судя по ихъ необходимости въ разсказѣ, къ древнему изводу сказанія, еще усиливаетъ невѣроятность допущенія условной цезуры въ шлокѣ эпического періода: эта вольность оказывается въ стихахъ интерполированныхъ, а въ подлинныхъ она введена лишь орфографическимъ путемъ и потому легко устранима. Въ Багавадгитѣ цезура проходитъ между членами сложенія въ 5 стихахъ — VI 23_a, XIII 8_b, XVII 8_a, 9_a, 14_a. Изъ нихъ, кажется, только въ одномъ возможна попытка къ разбивкѣ сложнаго пополамъ въ цезурѣ — XVII 9:

kaṭv-amlā-lavaṇātyuṣṇā - tikṣṇa-rūkṣa-vidāhināḥ
 ѣдко-кисло-солено-прегоряче- остро- сухо- жгучія

āhārā rājasasyeṣṭā, duḥka-ṣokāmaya- pradhāḥ,
 кушанья страстнаго любимыя горе- печале-болѣзне-причинительныя

гдѣ смыслъ едва-ли пострадаетъ отъ чтенія *kaṭv-amlā-lavaṇātyuṣṇās*. Изъ прочихъ обращаетъ на себя вниманіе VI 23_a:

taṃ vidyād duḥka-samyoga - viyogaṃ yoga-saṃjñitam.

Обыкновенно въ такихъ случаяхъ сложное слово занимаетъ собою цѣлый стихъ или, по крайней мѣрѣ, большую часть его, и притомъ такъ, что или первое полустипіе заполнено сплошь первыми членами сложенія, какъ *Nal. XII 129_a*, или-же второе, какъ *Nal. I 29_a*. Здѣсь-же вслѣдствіе того, что сложное слово поставлено по срединѣ между двумя самостоятельными словами, стихъ естественно дѣлится не на двѣ части, какъ бы слѣдовало, а на три. Однако въ позднѣйшей литературѣ такимъ и даже гораздо худшимъ случаямъ нѣтъ числа. Хуже они не только по меньшему протяженію помѣщеннаго въ срединѣ сложнаго, но и по качеству сложенія: употребляются такъ уже не одни сочинительныя сложенія, но и подчинительныя, въ которыхъ связь между членами гораздо тѣснѣе, напр. *Kaṭāsar.*, *Siṃhapaṇ ākramaḥ 8_a*:

sā taṃ svapne nirāhāra - sītāṃ devī samādiçat
 эта его во снѣ постыющимся-пребывающаго богиня наставила.

Такія сложныя, подѣленные между двумя полустипіями, изрѣдка попадаютъ уже въ эпосѣ, напр. въ «Убіеніи Яджнядатта» ихъ два, 76_b и 83_a, и оба страдаютъ тѣмъ-же недостаткомъ; но не даромъ, конечно, оба вхо-

дять въ причитанье отца Яджнядатта, растянутое на 14 двустишій (73—86): вѣроятно, въ немъ есть шлоки изъ той эпохи, когда вошли въ употребленіе стихи въ родѣ Râmarâṇ. 53:

$\frac{1}{\text{ity}}$ $\frac{1}{\text{uktvâ}}$ $\frac{1}{\text{prayayau}}$ $\frac{1}{\text{deva}}$ - $\frac{1}{\text{gatim}}$ $\frac{1}{\text{deva}}$ - $\frac{1}{\text{munis}}$ $\frac{1}{\text{tada}}$
 такъ сказавъ, пошелъ бого - путемъ бого-отшельникъ тогда

съ указаннымъ выше недостаткомъ, доведеннымъ почти до крайнихъ предѣловъ, и съ весьма сомнительной паузой между полустишіями, или Vidûṣ. 55_a:

$\frac{1}{\text{anyedyuh}}$ $\frac{1}{\text{sa}}$ $\frac{1}{\text{tam}}$ $\frac{1}{\text{Aditya}}$ - $\frac{1}{\text{sena}}$ $\frac{1}{\text{râjâ}}$ $\frac{1}{\text{Vidûṣakam}}$
 на другой день этотъ его Адитьясенъ царь Видушакъ

съ разсѣченіемъ собственнаго имени, — правда, сложнаго, но по своему условному значенію во всякомъ случаѣ недѣлимаго. Ритмическія и логическія трудности при чтеніи такихъ стиховъ иногда усугубляются употребленіемъ самыхъ запутанныхъ формъ шлока — 19-ой и 20-ой, напр. Siṃharaḡ. 6_a:

$\frac{1}{\text{prasadyamânâryu}}$ $\frac{1}{\text{âhâra}}$ - $\frac{1}{\text{pâna}}$ - $\frac{1}{\text{vastrair}}$ $\frac{1}{\text{ahar}}$ - $\frac{1}{\text{niçam}}$
 ублажаемая даже пище - питье-одеждами денно-ночно

и 18_b:

$\frac{1}{\text{bâryam}}$ $\frac{1}{\text{dvitiyam}}$ $\frac{1}{\text{Siṃhâ}}$ - $\frac{1}{\text{çri}}$ - $\frac{1}{\text{namnim}}$ $\frac{1}{\text{Siṃhâparâkramah}}$
 жену вторую Сингашри - именную Сингапаракрамъ.

Словомъ сказать: въ позднѣйшемъ шлокѣ члены сложенія ничѣмъ не отличались отъ самостоятельныхъ словъ. Правда, есть и у Европейцевъ свои

Hans Sachs, Schuh -
 macher und Poet dazu

и

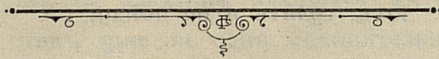
Вѣтры сѣверные ду -
 ють: гулять я не пойду;

но, несмотря на существованіе этихъ и имъ подобныхъ смѣхотворныхъ исключеній, почтенный Сомадевабаттъ со своими Âditya||sena, Mâyâ||dara (Purûgavâs 16_a) и т. д. едва-ли нашель бы себѣ между нами товарища, который рѣшился бы украсить свою эпическую поэму хоть бы такимъ александрийскимъ стихомъ:

Гнѣздо Большое Все||володь, великій князь.

Чѣмъ-же объяснить эту странную особенность индѣйскаго стихосложенія въ эпоху, слѣдовавшую за эпической? Отчасти, конечно, модой на сложныя слова и крѣпко укоренившейся привычкой къ нимъ; но этихъ факторовъ недостаточно: для того, чтобы они повліяли на технику стиха, необходима замѣна слаганія по слуху писаніемъ по схемѣ. Спору нѣтъ о

томъ, что не только въ сочинительныхъ сложеніяхъ, имѣющихъ по большей части столько удареній, сколько членовъ, но и въ подчинительныхъ, подводимыхъ подъ одно господствующее удареніе, между членами можетъ выдерживаться нѣкоторая пауза, которая напр. въ нѣмецкомъ языкѣ заявляетъ о себѣ тѣмъ, что послѣдняя согласная первой части словъ langweilig, Handlanger, Bergmann, abgehen и т. п. звучитъ глухо, какъ на концѣ, хотя какъ будто непосредственно соприкасается со слѣдующей звонкой (ср. мое изслѣдованіе *De versu saturnio* p. 49). Краткій слогъ на согласную въ соединеніи съ такой паузой можетъ равняться 2-временной долготѣ, почему слова, какъ Kopfschmerz, Mittwoch, Rückschritt, съ точки зрѣнія древне-нѣмецкой ритмики, составляютъ тактъ $\downarrow \wedge \downarrow \wedge$ ($\text{♩} \text{♩}$), равносильный полному $\downarrow \text{—} \downarrow \text{—}$ ($\text{♩} \text{♩} \text{♩} \text{♩}$). Такая задержка ощущалась, вѣроятно, и въ санскритѣ между членами сложенія, но она не могла быть замѣтно продолжительнѣе, нежели у Нѣмцевъ, особенно въ сложеніяхъ подчинительныхъ, а именно длительность ея не простиралась далѣе 1 времени. Отсюда слѣдуетъ, что стихотворцы, позволявшіе себѣ оканчивать полустипише на межѣ двухъ сложенныхъ другъ съ другомъ основъ, уже не воспринимали слухомъ тѣхъ тактовъ, которые они осуществляли слогами по преданію, а это значить, что произношеніе санскрита было тогда не таково, какъ въ ту эпоху, къ которой относится происхожденіе шлока. И въ самомъ дѣлѣ, въ то время, когда было въ ходу такое обращеніе съ размѣромъ древняго эпоса, санскритъ уже вымиралъ и въ разговорѣ уступалъ свое мѣсто пракриту. Естественно, что произношеніе живого языка переносилось на мертвый, а они, какъ видно изъ стихосложенія того и другого, сильно различались именно въ количественности слоговъ: отношеніе долготы и краткостей въ пракритѣ было такъ правильно, что шлокъ со своими ирраціональными стопами требовалъ тогда, вѣроятно, особой декламации и притомъ непремѣнно болѣе или менѣе условной.

2007110910